

ВНЕ
ЗАКОНА

Чингиз Абдуллаев

*Заходи – не бойся, выходи –
не плачь*

ОПРОКИНУТАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Опрокинутая реальность

Серия «Дронго», книга 41

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132294
Опрокинутая реальность: Эксмо-Пресс; Москва; 2001
ISBN 5-04-008169-3*

Аннотация

Это повторяется раз за разом: Дронго назначает встречу свидетелю, а наутро узнает, что тот убит. Застрелен, задушен, зарезан. В Москве, в Париже, в Амстердаме. Словно ходит рядом невидимка и читает твои мысли и намерения. Но невидимке должны быть безразличны деньги и акции нефтяных компаний. А этого только они и занимают. «Призрак» страшен, но и сам полон тайного страха. Корысть и страх – вот тот ключ, которым Дронго откроет дверь под названием «преступление»...

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Чингиз Абдуллаев

Опрокинутая реальность

«Когда так везет, грех не воспользоваться. Ясно, что бог не в обиде за обман. Бедному положено обманывать богатого».

Мигель Анхель Астуриас, «Маисовые люди»

Парижский отель «Бристоль» известен во всем мире благодаря звездам Голливуда, которые предпочитают останавливаться именно здесь. Вообще-то в столице Франции есть несколько отелей подобного уровня. Абсолютно недоступный для простых смертных «Ритц», который так любил Хемингуэй, — кажется, только он из писателей двадцатого века позволял себе жить в этом отеле. Есть «Крийон», с окнами, выходящими на площадь Согласия, где когда-то казнили короля Людовика Шестнадцатого. Потом казнили и тех, кто его судил. В «Крийоне» обычно останавливаются президенты других государств. Особенно его любят диктаторы маленьких стран, которые чувствуют себя почти королями, поселившись в подобном дворце.

В «золотом треугольнике» рядом с Елисейскими Полями есть еще три отеля высшего класса — «Принц де Галль», «Георг Пятый» и «Плаза Аттене». Здесь обычно останавливаются гости из стран Магриба, в холлах этих отелей можно увидеть арабских шейхов с непроницаемо глупыми лицами

и суетливых миллионеров из постсоветских республик, с бегающими глазками и потными ладонями. Наконец, есть еще и отреставрированный «Мерис», который также считается отелем высшего класса. Известный еще с девятнадцатого века, когда в нем останавливался Чайковский, он привлекает внимание людей, не намеренных афишировать собственные доходы.

В этот день в «Бристоле» сидели два человека, которые беседовали друг с другом за чашкой кофе. Беседа проходила на русском языке. Они улыбались, говорили комплименты. Бесшумно появлявшиеся официанты готовы были выполнить любое пожелание гостей. Но особых пожеланий не было. Собеседники допили свой кофе, пожали друг другу руки, вполне довольные состоявшимся разговором. Все было как обычно и бывает при встрече деловых людей, заключивших удачную сделку.

Гость вышел из отеля. Метрах в двадцати, на Фобур Сен-Оноре, стоял серебристый «Пежо». В салоне автомобиля сидели двое мужчин. Когда он подошел к машине, один из сидевших поднял голову.

– Все в порядке, – сказал гость, – он сейчас выйдет.

Больше не было произнесено ни слова. Гость двинулся дальше, к своему автомобилю, припаркованному в конце улицы. Он сел в машину и, не заводя мотора, внимательно следил за выходом из отеля, откуда должен был появиться его недавний собеседник. Один из двоих, сидевших в маши-

не, вышел из нее, ожидая сигнала.

Оставшийся в машине водитель достал пистолет и начал прилаживать глушитель. Все напряженно ждали. Через некоторое время убийца снова сел в автомобиль, зло чертыхнувшись. Затем набрал номер мобильного телефона третьего, сидевшего в своем автомобиле.

– В чем дело? – зло спросил убийца. – Почему он не выходит?

– Сам не могу понять, – пробормотал тот, – мы договорились, что встретимся сегодня ночью, и я ушел. Он куда-то торопился. Ему звонили, и он пообещал, что скоро придет. Не могу понять, почему он не выходит. Может, решил еще раз подняться в свой номер?

– Если он не выйдет через пять минут, мы пойдем искать его в отеле, – мрачно предупредил убийца.

– Ни в коем случае. Вас может вычислить служба безопасности «Бристоля». У них повсюду стоят камеры. Входить в отель нельзя.

– Тогда вернись обратно и вытащи его из отеля, – бросил убийца и отключил телефон.

Прошло еще несколько томительных минут. Наконец из отеля вышел мужчина среднего роста в шляпе и светло-бежевом пальто из верблюжьей шерсти. В руках у него был небольшой чемоданчик. Он повернулся и зашагал в противоположную сторону от «Пежо». Недавний его собеседник сразу достал телефон, стал набирать номер дрожащими ру-

ками.

– Это он, – прошептал сдавленно, – он вышел.

И, сразу отключив аппарат, тронулся с места, словно опасаясь стать нечаянным свидетелем того, что здесь должно было произойти.

– Трогай, – приказал убийца водителю.

Автомобиль медленно двинулся. Убийца забрал у водителя пистолет. Опустил руку на колени. Машина догоняла неторопливо уходившего человека. Когда они почти поравнялись, убийца поднял оружие и дважды выстрелил в спину жертве. Хлопки почти не были слышны. Несчастный даже не успел обернуться. Он словно подпрыгнул от первого выстрела. А следующий отбросил его к стене. Убийца вышел из машины. Раненый тяжело дышал. Он обернулся к убийце и поднял руку, словно собираясь что-то сказать. Но убийца не раздумывая выстрелил ему прямо в лицо. Затем наклонился и взял чемоданчик из ослабевших рук.

Испуганная старушка, вышедшая на прогулку со своей болонкой, замерла на месте, не понимая, что происходит. Болонка рвалась с поводка, захлебываясь от лая. Убийца, повернувшись, взглянул на собачку, потом на старушку. Он подумал, что она сможет его опознать. Секунда на раздумье.

– Быстрее, – крикнул водитель.

– Пусть живет, – решил убийца и быстро шагнул в автомобиль. «Пежо» рванулся с места. И только тогда старуха закричала на всю улицу. От отеля к ней уже бежал швейцар, не

понимавший, почему кричит женщина и лает собака. Редкие прохожие оборачивались на этот истошный крик. А убитый лежал на земле, и кровь впитывалась его дорогим пальто из верблюжьей шерсти.

Глава 1

Он любил обедать в этом ресторане при закрытом элитарном клубе. Вступивший сюда в прошлом году, он несколько раз появлялся в клубе поздно вечером, когда завсегдатаи собирались на очередное застолье. Эти люди слишком очевидно раздражали Дронго. Вступивший в клуб, чтобы иметь возможность бывать в ресторане, не рискуя нарваться на знакомых, он сразу понял, что здесь лучше не появляться по вечерам. И поэтому приезжал к трем-четырем часам, когда почти не бывало гостей и можно было посидеть одному.

Дронго все время пытался разобраться в своих чувствах. Почему его так раздражали эти новые нувориши, эти люди, которых в народе называли «новыми русскими», хотя среди них были представители разных национальностей? Его не раздражали миллионеры в Париже или в Лондоне. Он воспринимал их как нормальный продукт западного общества, а в постсоветских республиках считал «отрыжкой» социалистического образа жизни. Почему?

Ответ был слишком очевиден. На Западе встречались либо бизнесмены, успешно рассчитавшие свое дело, либо потомственные миллионеры, воспитанные на богатстве не в одном поколении. Было понятно, что состояние либо нажито невероятным трудом, либо перешло по наследству, что предполагало уровень образования и воспитания. Самый очевид-

ный успех Билла Гейтса, ставшего первым в списке миллиардеров, лишь подтверждал известную американскую поговорку об умном человеке, который не может не быть богатым.

На Западе, в устоявшемся обществе, деньги большей частью зарабатывались. На территории бывшего Советского Союза проходил процесс «первичного накопления капитала», когда миллионерами становились люди, получившие доступ к государственной кормушке. Неважно, каким именно образом они получали свои состояния, были ли это пресловутые «два процента» с каждой сделки или отчисления за каждый удачный договор. Были ли это обычные взятки или обычное государственное воровство. Дело было не в этом. Каждый из таких «государственных воров» абсолютно искренне считал себя нормальным бизнесменом западного типа. Банкиру, получившему государственные деньги, и в голову не приходило, что в другом обществе он не смог бы так работать. Чиновник, наживавшийся на поставках нефти и газа, был абсолютно убежден в своей экономической состоятельности. Министр, получавший свои проценты со сделки, считал себя обычным бизнесменом. И так было везде. Может, поэтому они так раздражали Дронго. В их лицах, в их глазах, в их движениях было нечто неестественное. Даже баснословно богатые люди боялись обычного милицейского окрика, словно живущие в ожидании, когда за ними «придут». Большинство новых миллионеров напоминали обыч-

ных фарцовщиков, вышедших из семидесятых годов, когда они торговали западными джинсами и косметикой.

Их образование и воспитание также оставляли желать лучшего. Хотя среди молодых членов клуба попадались люди, прекрасно владевшие английским языком, умевшие завязывать галстуки и отличать рыбный нож от ножа для салата. Это были так называемые «комсомольские лидеры», уверенно рванувшие в бизнес в начале девяностых и сумевшие оттереть зазевавшуюся партийную номенклатуру. Эти «молодые волки» были самыми циничными и безжалостными. Именно они выступали заказчиками многих преступлений, не останавливаясь ни перед чем для достижения своих целей.

Днем в ресторане почти не бывало посетителей. Заказав обед, он мог читать газету в ожидании звонка Вейдеманиса, с которым он должен был встретиться вечером. Когда принесли салат, он отложил газету и принялся неторопливо есть. Дронго был гурманом, а здесь была великолепная кухня.

Он съел салат, затем попробовал креветки и сырную запеканку. Покончив с закусками, приступил к первому блюду, когда в зал вошла женщина. Он невольно обратил на нее внимание. Высокого роста, брюнетка, с выразительными миндалевидными глазами. Сухая кожа на лице была натянута, словно пергамент, и, когда она улыбалась или разговаривала, у рта отчетливо проявлялись морщины. Ее не портила даже выступающая немного нижняя часть лица. Очевид-

но, она была сильной женщиной. Незнакомка была одета в темно-фиолетовый костюм. Он мгновенно оценил и элегантность ее костюма, и сумочку, подобранную в тон обуви. Сумочка была от фирмы «Прада», а обувь – от «Ив Сен-Лорана». Костюм скорее всего от «Сальваторе Феррагамо», подумал Дронго. Кажется, подобный строгий стиль именно у этой фирмы.

Женщина посмотрела по сторонам. И увидела Дронго. Она шагнула к нему довольно уверенно, глядя ему в глаза, чтобы он не подумал об ошибке. Она подошла к нему, и Дронго пришлось невольно подняться. В этом клубе обычно не принято было приставать друг к другу, и уж особенно немыслимо было появление здесь женщин, способных приставать к мужчинам. Хотя такая женщина вряд ли может приставать к мужчинам. Деньги, судя по всему, у нее есть. И деньги немалые. Вкус налицо. А свою внешность он оценивал достаточно критически, чтобы надеяться, что столь красивая и элегантная женщина может обратить на него внимание.

Конечно, он высокого роста, широкоплечий, у него серьезный, умный взгляд. Любая женщина, хотя бы немного сведущая в моде, знает, что его обувь и ремни от фирмы «Балли» стоят не одну сотню долларов, а его коллекционные галстуки вызывали восхищение даже у мужчин. Но вместе с тем в последнее время он смотрел на людей обычно устало, угрюмовато, что, наверное, не способствовало желанию зна-

комиться с ним. Он поднялся и мрачно посмотрел на женщину, помешавшую ему обедать.

– Извините, – торопливо сказала она. – Вы господин Дронго? Простите, что я вас так называю, но мне говорили, что вы отвечаете именно на подобное обращение.

– Да, – кивнул он. Ему стало интересно. Что именно хочет от него эта красивая женщина? На вид ей было лет тридцать пять – сорок. Во всяком случае, ясно, что она искала именно его. – Садитесь, – предложил он женщине, убирая ложку. В присутствии дамы еще можно есть салат или второе. Но орудовать ложкой, прихлебывая первое, ему казалось не особенно эстетичным. Возникший официант уважительно кивнул головой женщине и, мгновенно оценив ситуацию, унес первое блюдо. Дронго с сожалением посмотрел на отличный грибной суп, который уносил официант.

– Мне martini, – попросила женщина, и официант кивнул, поспешно удаляясь. Дронго обычно пил за обедом стакан хорошего французского или итальянского вина. Но когда женщина пьет martini, нужно заказать нечто подобное.

– Извините, что я вас беспокоила за обедом, – сказала женщина, обращаясь к нему.

– Уже поздно, – усмехнулся Дронго, – мой грибной суп унесли, и я остался без первого.

– Вы можете заказать еще одно блюдо, – улыбнулась она, оценив его шутку.

– Ничего. Мне полезно немного поголодать. Будем счи-

тать, что вы задолжали мне один грибной суп. Надеюсь, когда-нибудь вы меня сюда пригласите. Вы ведь член клуба?

– Почему вы так решили?

– Я видел, как официант кивнул вам. Кроме того, сюда не пускают посторонних. И наконец, метрдотель не разрешил бы вам подойти ко мне ни при каких обстоятельствах, если бы вы не были членом клуба. Он меня немного знает, а я успел изучить его строгий характер.

– Верно, – кивнула она, снова улыбнувшись. Ему вообще понравилась эта улыбка. И все больше нравилась сама женщина. Чем-то она была похожа на Джил. У них были одинаково красивые глаза, понял Дронго. Хотя у Джил разрез глаз немного другой. И она бы никогда не стала мешать обедать постороннему мужчине.

– Если вы знаете, как меня обычно называют, то можете сказать, как зовут вас, – предложил Дронго.

– Меня зовут Эльза, – представилась женщина. – Эльза Мурсаева. Работаю заместителем главного редактора, – она назвала довольно популярный в столице журнал.

– Очень приятно, – он так и предполагал. Она явно восточная женщина, с Кавказа. Интересно, кто она по национальности? Чеченка, аварка, осетинка? Нет, они бывают более светлыми. Тогда лезгинка или азербайджанка. Хотя фамилия не азербайджанская. Она, конечно, с Северного Кавказа, но откуда именно?

– Дело в том, что мне рекомендовали вас как лучшего экс-

перта в нашем городе, – призналась женщина, – мне рассказывали о вас столько необычного. Говорят, вы просто волшебник.

– Слухи, как правило, бывают преувеличенными, – заметил Дронго, – я сам не верю в чудеса и другим не советую. А фокусы обычно показывают братья Кио.

– Я не хотела вас обидеть, – торопливо заметила женщина. – А я и не обиделся, – ответил Дронго. – Если вам говорили о моих необычных способностях, то это преувеличение. Я действительно иногда помогаю людям решать некоторые проблемы, но это совсем не значит, что могу творить чудеса.

Официант принес ее мартини. Дронго попросил принести ему джин-тоник.

– Кто вам говорил обо мне? – поинтересовался Дронго.

– Мы дружим с супругой генерала Потапова, – призналась Эльза, – она говорит, что муж считает вас абсолютным гением, который может расследовать любое преступление.

– Ясно, – вздохнул Дронго, – у вас что-то произошло? Какие-нибудь неприятности?

– Если бы только неприятности, – вздохнула женщина, – мне нужна ваша помощь.

Она ему нравилась. Непонятно почему, но его раздражали молодые девицы. Ему нравились именно такие женщины. Сильные и уверенные в себе. Она смотрела ему в глаза.

– У меня погиб брат, – призналась Эльза, – его застрелили в прошлом году в Париже, прямо перед отелем, где он жил.

Французские власти провели расследование, но ничего найти не смогли. Или не захотели. Вы ведь знаете, как на Западе относятся к нам. Они считают всех выходцев из бывшего Советского Союза потенциальными бандитами или жуликами. А уж когда речь идет о подобных убийствах, они убеждены, что это мафия сводит счеты друг с другом.

– Чем занимался ваш брат?

– Поставками нефтепродуктов. У него была своя фирма. Может, вы слышали о ней: фирма «Прометей».

Очевидно, он не сумел скрыть свой скептицизм. Она нахмурилась, заметив тень, набежавшую ему на лицо.

– Вы тоже считаете, что это криминальный бизнес? – поинтересовалась она.

– Я этого не говорил. Просто в России этот бизнес настолько переплетается с криминалом, что иногда трудно бывает отличить, где кончаются криминальные деньги и начинается настоящий бизнес. Или наоборот. Не обижайтесь, я привык говорить, что думаю.

– Он организовал свою компанию еще в девяносто пятом. Когда разразился кризис девяносто восьмого, он сумел выстоять, а уже через год восстановить прежние объемы. Вы знаете, как он работал? С утра до вечера и с вечера до утра. Он был моим единственным братом. Мы рано потеряли родителей. Я старше на четыре года. Поэтому относилась к нему не просто как к младшему брату. У нас были очень доверительные, товарищеские отношения.

– Понимаю, – кивнул Дронго. Официант принес джин с тоником и удалился, даже не спрашивая про следующее блюдо. Здесь держали сообразительных официантов.

– Чем я могу вам помочь? – поинтересовался Дронго.

– Я хочу знать, кто и зачем убил моего брата, – блеснула она глазами, – я хочу отомстить за него. У него не было братьев и сыновей, поэтому я хочу сделать то, что обычно делают братья или сыновья. Отомстить за него.

– Я не стану вам напоминать, что кровная месть – это пережиток прошлого, – серьезно заметил Дронго, – но вы подумали о последствиях? Дело в том, что в подобном бизнесе всегда очень большие деньги и очень важные люди, которые стоят за каждым преступлением. Вы понимаете, что именно будет – если вы попытаетесь начать собственное расследование? Вы можете задеть интересы очень важных людей.

– Ну и пусть, – упрямо сказала она, – зато я буду знать, что он отомщен. Я его ночами во сне вижу. Он ко мне приходит, и мы разговариваем. Я уже четыре месяца себе места не нахожу, не могу ни жить, ни есть, ни спать. И не смогу никогда, пока не разыщу его убийц.

– Давайте по порядку. Вы сказали, что он погиб четыре месяца назад? Как это случилось?

– В Париже, рядом с отелем «Бристоль», где он остановился. Он вышел из отеля, и его застрелили. Убийца стрелял в спину. Два раза. А потом в лицо.

– Вас, кажется, удивляет, что ему стреляли в спину. Эль-

за, у этих людей нет правил чести. Наемные убийцы редко проявляют какие-то другие чувства. Их волнует только целесообразность и успешно сделанная работа, за которую они получают свой гонорар.

– Французы не выдавали его несколько дней, – сообщила Эльза, – потом поехала его жена, которая опознала тело. С большими трудностями удалось перевезти тело в Москву и похоронить. Мне пришлось заниматься всем этим.

– А почему не его супруга?

– Эта дрянь даже не хотела лететь на опознание, – вспыхнула Эльза. Потом грустно усмехнулась: – Брат говорил мне, что у меня «комплекс свекрови». Я всегда о нем заботилась, всегда любила его больше всех. А эта дрянь, на которой он женился, думала только о его деньгах. Извините меня, я, кажется, говорю лишнее.

– У них не было детей?

– Нет. У нее была дочь от первого брака. Это был ее второй брак. Красивая стерва. Высокая, длинноногая блондинка, от которой сходят с ума мужчины. Вот он и не устоял. Я ему говорила, что он ей не пара, но мужчины редко слушаются советов в подобных случаях. Вот он и женился на ней. И, когда он погиб, она даже поминки не смогла организовать по нашим обычаям. Ничего не захотела сделать, все мне пришлось взять на себя. Ну ничего. Пусть теперь она помучается, – мстительно добавила Эльза.

– Почему помучается? – поинтересовался Дронго.

– У компании моего брата оказался долг на двадцать миллионов долларов, который должен быть возвращен в этом году. Банк потребовал вернуть деньги, иначе – банкротство. Сейчас компанией занимается фирма, специализирующаяся на банкротствах. Подробности я не знаю, но счета заморожены, а на имущество компании «Прометей» наложен арест. Бедный Салим, если бы он видел, что случилось с его компанией. Сначала я думала, что его убили из-за этих денег. Двадцать миллионов долларов – не шутка.

– Нет, – возразил Дронго, – должников подобного уровня обычно не убирают. Наоборот, их берегут, чтобы они могли расплатиться.

– Мне тоже так сказали. Но тогда почему убили Салима? И кто это мог сделать? Хотя мне кажется, что он заранее знал о своей смерти. Вернее, он заранее предполагал, что его убьют именно в Париже.

– С чего вы взяли? – насторожился Дронго.

Она неожиданно спросила:

– Вы сумеете мне помочь?

– Если вы будете что-то скрывать от меня, то вряд ли. Пока я ничего для себя не решил.

– Тогда я не стану вам выкладывать все, – сказала она, чуть понизив голос и нахмурившись.

– И тем не менее вы пришли именно ко мне. Поэтому будет лучше, если вы мне расскажете все.

– Перед отъездом в Париж он приехал ко мне и рассказал

о том, что перевел на мое имя и на имя моего сына по полмиллиона долларов, – призналась Эльза. – Мне кажется, он был уверен, что его убьют именно в Париже. До этого он всегда помогал нам, но никогда не переводил сразу такой большой суммы. Он просил, чтобы никто не знал об этом переводе. Сказал, что это его страховка на непредвиденный случай. Часть моих денег он перевел в российский «Альфа-банк», и мы сейчас живем на них.

– У вас есть сын? – уточнил Дронго.

– Да. Ему шестнадцать лет, и он учится в Англии.

– А кто его отец?

– Мы в разводе, – сухо сообщила Эльза, – уже давно. Больше десяти лет назад.

Они помолчали.

– И вы полагаете, что я могу найти его убийц?

– Если не конкретных исполнителей, то хотя бы заказчиков. Я готова вам помогать, я готова выплатить вам любой гонорар. Но я должна знать, кто и почему «заказал» убийство моего брата. Вот такая у меня к вам просьба.

– Мне придется полететь в Париж, – предположил Дронго, – поговорить со многими людьми, оторваться от своих дел.

– Да, – кивнула она, – я все понимаю. Назовите вашу цену. Я заранее согласна. На все ваши условия.

Он молча смотрел на нее. Она ему нравилась. Нет, не так. Она ему очень нравилась. Если бы не это, он не взялся бы

за подобное расследование, даже за очень большой гонорар. Но при мысли, что ему придется несколько недель, а то и месяцев общаться с этой красивой женщиной, ему хотелось согласиться. Он медлил с ответом.

– Вы отказываетесь мне помочь? – спросила она, с трудом сдерживаясь.

– Нет, – ответил Дронго, – не отказываюсь. Я согласен. Только с одним условием. В сумму гонорара вы включите и грибной суп, который мы должны будем съесть вместе с вами после завершения моего расследования. Вы согласны?

Она улыбнулась.

– Да, – сказала Эльза, – вы именно такой, каким я вас себе представляла. Таким был и мой брат. Чувство юмора не покидало его. Ни при каких обстоятельствах.

Глава 2

В подобных случаях информация решает все. Необходимо обратить внимание и на официальную информацию о компании «Прометей», которая была опубликована на сайте компании в Интернете, и задействовать собственные неформальные связи. Компания возникла в девяносто пятом. Уже в девяносто седьмом вышла на очень неплохие показатели. Оборот «Прометей» составлял около пятидесяти миллионов долларов и, судя по всему, в будущем году должен был стать еще выше. Но финансовый обвал августа девяносто восьмого стал сильным ударом и для «Прометей». Правда, нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие компании оказались в лучшем положении, чем все остальные. Доллар вздорожал в четыре раза, а большая часть нефти продавалась именно за доллары. Поэтому уже в девяносто девятом оборот «Прометей» составил пятьдесят миллионов, а в следующем году вышел на сто миллионов долларов.

Половина акций компании принадлежала ее президенту и основателю Салиму Мурсаеву, а другие пятьдесят процентов были у разных вкладчиков. Точнее, Мурсаеву принадлежали пятьдесят процентов плюс одна акция, и таким образом он был фактически неограниченным владельцем компании.

Компания была создана для перепродажи северной нефти и довольно успешно справлялась с задачей. На фоне бурной

капитализации девяностых годов, когда нефтяная отрасль становилось не просто прибыльной, но и очень престижной, сюда потянулись и большие деньги, и деловые люди.

Дронго обратил внимание, что среди остальных вкладчиков не было ни одного, у кого было бы более десяти процентов акций. Очевидно, Мурсаев не хотел устраивать конкуренции в собственной компании и разумно распределил весь оставшийся пакет акций среди различных вкладчиков. Здесь были и государственная нефтяная компания, и небольшое акционерное общество, и частные владельцы, представленные банкирами, коммерсантами, даже одним владельцем пивоваренного завода, который имел пять процентов акций и, очевидно, принял участие в работе компании из-за своих дружеско-земляческих связей с Мурсаевым. Оба были лезгины родом из старинного Дербента.

Распечатывая поступавшую информацию, он не понимал, почему двадцать миллионов долларов, которые компания Мурсаева должна была банку, считались таким уж большим долгом при оборотах, которые превышали долги в пять раз? И почему был наложен арест на имущество Мурсаева, если тот мог абсолютно спокойно расплатиться? Не исключено, что кто-то был заинтересован именно в подобном развитии событий...

Он позвонил в Париж своему старому другу, комиссару полиции Жану Брюлею, одному из самых опытных криминалистов в мире. Они хорошо знали друг друга, и комис-

сар по-настоящему ценил и уважал своего молодого коллегу. А Дронго почти боготворил комиссара Брюлея. В мире был еще один человек, к которому Дронго относился с подобным же благоговением, – английский частный детектив Мишель Доул, с которым Дронго познакомился во время расследования загадочных преступлений в Дартфорде.

– Здравствуйте, господин комиссар, – Дронго старался говорить медленнее, он знал, что комиссар не очень силен в английском, а Дронго не знал французского.

– Я рад тебя слышать, – донесся глухой голос комиссара, – говорят, что ты был недавно в Японии, помогал там самому Кодзи Симуре?

– Им нужна была моя консультация, – уклончиво ответил Дронго.

– Ладно, не скромничай, – проворчал комиссар, – мне звонил Симура и сказал, что ты настоящий мастер. Ты расследовал такое запутанное дело, что о нем до сих пор говорят в Японии.

Дронго вспомнил Фумико.

– Это было интересно, – согласился он и тут же сменил тему. – У меня к вам дело, господин комиссар, – по-английски получилось «мистер комиссар». – Не называй меня мистером, – потребовал Брюлей, – для тебя я просто комиссар Брюлей. И не спорь. Лучше выкладывай, что у тебя случилось?

– Четыре месяца назад в Париже на улице Фобур Сен-

Оноре, у отеля «Бристоль», был убит коммерсант из Москвы. Вы слышали об этом деле?

– А ты как думаешь? Все криминальные дела в центре Парижа – это моя забота. Кто-то из моих инспекторов даже выезжал на место происшествия.

– Вы можете мне что-нибудь рассказать?

– Будет лучше, если ты сам прилетишь в Париж и узнаешь все, что тебе нужно.

– Расследование проводили не ваши люди? – уточнил Дронго.

– Нет. У нас сразу забрали это дело. Все, что касается этих «русских разборок», ведет другой отдел.

– Понятно, – пробормотал Дронго, – вы не собираетесь в отпуск?

– Ты смеешься? Какой отпуск? В моем возрасте можно только уйти на покой, а я собираюсь еще несколько лет продержаться.

– В таком случае ждите меня в гости. Надеюсь, что через два дня мы лично увидимся.

Закончив разговор с комиссаром Брюлеем, Дронго позвонил Эльзе Мурсаевой и попросил ее приехать. Он несколько колебался, так как это была их первая встреча у него дома. Он вдруг с удивлением поймал себя на том, что даже волнуется.

Он навел порядок в кабинете, придал ему несколько более приличный вид. Обычно это делала у него в квартире жен-

щина, которая приходила дважды в неделю. Он с трудом выносил присутствие посторонней женщины, но пыль и грязь он выносил с еще большим трудом, и поэтому приходилось из двух зол выбирать наименьшее. Кроме домработницы, в доме иногда появлялся и его водитель. Еще бывал здесь Эдгар Вейдеманис, его давний друг и напарник, которому он абсолютно доверял. Иногда заходил Владимир Владимирович, с которым они дружили много лет. И наконец, именно сюда приезжала Джил с сыном, когда они выбирались из Италии. Тактичная Джил понимала, что ему необходимо жить одному, и иногда покидала его, несмотря на его лицемерные просьбы остаться еще на несколько дней. И хотя Джил была одной из немногих радостей в его жизни, а сына он очень любил, тем не менее он предпочитал жить один. Наверно, поэтому он и стал тем, кем стал, и ничего менять в своей жизни не собирался.

Когда наконец раздался звонок, он пошел к двери, досадуя на себя за внезапно вспыхнувшее волнение. Он нервничал так, словно был мальчишкой и к нему на свидание явилась красивая девочка, которую он давно ждал и втайне о ней мечтал. Кажется, он и в школе так не волновался. Хотя тогда он особенно не увлекался девочками. Ему всегда нравились книги, которые он проглатывал одну за другой.

Он открыл дверь. На пороге стояла она. На этот раз она была в светлом плаще, под ним – строгий темный костюм.

– Здравствуйте, – кивнула ему Эльза, – спасибо, что вы

мне позвонили. Я очень волновалась, оттого что вы целый день не звонили.

Она шагнула в комнату, обдавая его ароматом своих духов. Что-то терпкое, так подходящее к ее облику. Нужно будет потом узнать, что за духи она любит.

Он провел ее в гостиную, где стоял столик на роликах, на котором выстроились бутылки. Она села на диван, он устроился в кресле, рядом с ней. Себе он налил немного белого чилийского вина. И протянул ей бокал с мартини.

– Мне удалось узнать некоторые детали о компании вашего брата, – сообщил Дронго, – но этого слишком мало. Мне нужно каким-то образом ознакомиться с документами в самой компании. И мне нужна будет ваша помощь. Желательно, чтобы вы меня представили как вашего адвоката или вашего поверенного в делах.

– Пожалуйста, – кивнула она, – но при чем тут я? Все знают, что я только его сестра и не имею никаких прав на наследство. Все должно достаться этой дряни, его жене.

– Верно, хотя и не совсем. Недавно принят новый закон, согласно которому братья и сестры также считаются наследниками, хотя и не первой очереди, как жены. Однако вы можете потребовать присутствия вашего человека, указывая, что ваш погибший брат обещал вам оставить часть наследства.

– Этого я сделать не могу, – сразу сказала она, поставив на столик свой бокал.

– Почему?

– Получается, что он ничего мне не оставил, то есть я должна выставить его перед всеми бездушным человеком. А я так не могу. Даже если бы он мне ничего не оставил, то и тогда я бы не стала против него ничего говорить. Я его очень любила.

Она отвернулась. Потом вздохнула и снова взяла свой бокал.

– Извините, – мрачно произнес Дронго, – но вы должны мне помочь. Я же не могу лезть в компанию без вашей помощи. Мне не разрешат смотреть документы. Нужно будет объяснять, что часть денег на создание компании он взял у вас.

– Откуда у меня такие деньги? Если бы не Салим, не знаю, как бы мы с сыном жили.

– Я вас понимаю. Но иначе у меня появятся большие проблемы, и я ничего не смогу узнать. Неужели вы не понимаете?

– Понимаю. Но его жена все прекрасно знает. Она устроит скандал и потребует вас выгнать. Тем более что она до сих пор ищет, на каких счетах спрятаны деньги Салима.

– Что значит ищет? У него разве не осталось денег?

– Я же вам говорила. Перед поездкой в Париж он положил на имя моего сына, своего племянника, несколько сот тысяч фунтов в английский банк. И еще примерно столько же в долларах, в другой банк, на мое имя. Если хотите, я вам

скажу в какой, но он предупреждал меня, чтобы я никогда и никому об этом не говорила.

– Не нужно, – кивнул Дронго, – мне не обязательно об этом знать.

– Это примерно по полмиллиона долларов, – сказала она, – и еще сто тысяч долларов он положил в «Альфа-банк». А когда он погиб, выяснилось, что на его собственном счету в «Альфа-банке» только восемьдесят четыре тысячи долларов. И еще примерно столько же в «Кредит Лионе», во французском банке. И больше никаких денег нет. Правда, у вдовы остались его дача, его дом, машины, но это ее мало интересует. Ей нужны были деньги, а их она не нашла. У Салима все деньги были вложены в компанию. И когда выяснилось, что компания банкрот, его жена была в шоке. Сейчас она продает свою дачу. И, насколько я знаю, собирается сдавать квартиру, чтобы переехать жить в Америку. Там у нее брат, такой же непутевый, как она сама.

– У меня к вам несколько необычный вопрос. Только постарайтесь обдумать ответ, не торопитесь с ним. Скажите, а она не могла быть заказчиком убийства вашего брата? Ведь в случае его смерти все переходило к ней. А о долге компании она могла и не знать.

– Нет, – чуть подумав, ответила Эльза, – я об этом тоже размышляла. Нет, нет. Она ему очень нравилась. Он ее любил. И она точно знала, что из живого Салима она вытянет гораздо больше, чем из мертвого. Вы бы видели, какие ком-

плекты бриллиантов он ей дарил. Я не завидовала, нет, честное слово. Но мне было неприятно. Я видела, как он на нее смотрел и как она позволяла себя целовать. Женщина сразу распознает фальшь в другой женщине. Она не любила моего брата. Он был нужен ей как «денежный мешок». Она не стала бы его убивать. Нет.

– А ее брат? Вы сказали, что он непутевый?

– Как иначе его назвать? Уехал в Америку, женился там на американке, чтобы остаться и получить гражданство. Женщина старше его на восемь лет. Типичный альфонс. Уверял, что ее любит, а когда приезжал в Москву, собирал девочек со всей Москвы, развлекаясь таким образом. У них, видимо, «семейный бизнес» – устраивать себе дела путем удачной женитьбы. Но он такой слабый и никчемный человек. Он тоже не годится на роль убийцы. Салим помогал ему чем мог. Зачем ему резать курицу, которая несла золотые яйца?

– Тогда кто, по-вашему, был заинтересован в смерти вашего брата? Вы должны хотя бы примерно представлять круг его друзей.

– Да, – кивнула она, – я знаю. Я не хотела вам говорить вчера. Но перед тем как улететь в Париж, он зашел ко мне и мы долго разговаривали. Он сказал, что у него будет встреча в Париже с Аликом. Я еще тогда не поверила, уточнив, где они встречаются. И брат сказал мне, что они встретятся в «Бристоле».

– Кто такой Алик?

– Это его знакомый. Алик Сафиев. Темный тип, занимался какими-то маклерскими делами, брал свои проценты со сделок. Кажется, он сидел в начале восьмидесятых за мошенничество. Но сейчас его нигде нет. Ни в Москве, ни в Питере. Я уже проверяла.

– Вы искали без меня?

– Думаете, я сидела сложа руки? Конечно, искала. Салим сказал, что едет встречаться с Аликом в Париже. Я видела несколько раз этого Алика дома у Салима. Он ему никогда не доверял. И поэтому предупредил меня, чтобы я тоже ему не верила.

– А как вы узнали московский адрес Алика?

– Вышла через друзей Салима на его женщину. И узнала адрес, где он жил. Но он там не появляется уже четыре месяца. А в Питере у него тоже была квартира. Там его тоже не видели.

– Вы нанимали детективов? – поинтересовался Дронго.

– Я делала все, чтобы найти убийц моего брата, – жестко ответила она, – и я их найду. Чего бы мне это ни стоило. Но я думаю, что не с компании брата надо начинать. Нам лучше поехать в Париж и поискать там этого Алика. Я слышала, что у вас большие связи по всему миру и вы можете найти нужного вам человека.

– У вас хорошо поставленная информация, – усмехнулся Дронго, – вы не знаете, на кого работал Сафиев? Чьи интересы в Париже он представлял?

– Знаю. На Северную нефтяную компанию. Как раз эта компания была основным поставщиком нефти «Прометею». Сафиев работал с вице-президентом компании Юрием Авдеечевым.

– Я встречал эту фамилию среди списка акционеров.

– Да, они дружили с Салимом.

– Тогда нужно разыскать этого Авдеечева.

– Поздно, – возразила женщина, – его застрелили ровно через два дня после убийства Салима в Париже. Расстреляли автомобиль Авдеечева, когда он возвращался домой. Он погиб вместе с водителем. Убийц не нашли.

– Как оно обычно и бывает, – прокомментировал Дронго. – Кажется, мне нужно поставить вопрос об увеличении гонорара. Судя по всему, мне придется расследовать не одно, а сразу два убийства. Но все равно я полагаю, что нам нужно начать с компании вашего брата. Дело в том, что подобные заказные убийства всегда бывают на почве коммерческих разборок. Сегодня весь бизнес в России густо опутан криминалом. Нам нужно понять, кому было выгодно убийство вашего брата. И затем разобраться с его погибшим компаньоном.

– Хорошо, – согласилась она, – когда нам нужно быть в его компании? Или вы поедете один?

– Я поеду с вами. Нужно, чтобы вы там появились. Ненадолго. Но ваше присутствие очень желательно. Сейчас у меня будет к вам несколько личных вопросов. Постарайтесь

понять меня правильно, мне нужно уточнить некоторые моменты. Когда вы остались одни?

– Отец погиб, когда мне было десять, а Салиму только шесть. Но он его хорошо помнил. А когда умерла мать, мне было уже шестнадцать, а Салиму двенадцать.

– Отчего они умерли?

– Отец был морским нефтяником. Мы тогда жили в Баку, переехали туда за три года до его гибели. Их катер разбился, и он утонул. Тело искали два месяца, но так и не нашли. Мать похоронила на кладбище его одежду, чтобы было куда приходить, – женщина вздохнула, отвернувшись, вытерла набежавшую слезу, – а потом она умерла сама. Шесть лет промучилась и умерла. Вот с тех пор я и не верю в бога. Зачем нужно было посылать такие мучения моим родителям? Они ведь любили друг друга. Поэтому я решила сама отомстить убийцам. Найти и покарать их, чего бы мне это ни стоило, – мстительно сказала Эльза.

– Что было дальше? – спросил Дронго.

– Мы остались одни. Из Дербента приехала тетка, хотела, чтобы мы к ней перебрались, но мы с братом отказались. Потом я пошла в вечернюю школу и начала работать на фабрике. Знаете, как нам было трудно. Когда я приходила с работы, Салим обычно подбегал ко мне и садился около меня. Он мне чай наливал, ужин готовил, понимал, как я уставала. А потом я в институт на заочный поступила. И все ради него. Чтобы он мог нормально учиться. Он закончил школу и по-

шел в Институт нефти и химии. Это был в начале восьмидесятых самый непрестижный, самый легкий вуз для поступления. Так что Салим по образованию нефтяник. А все думают, что он такой же «бизнесмен», как остальные. Других тогда на аркане нельзя было загнать туда. Все поступали на юридический или восточный факультет. Это сейчас все удались в нефтяной бизнес. Вам сколько лет? – вдруг спросила она.

– Сорок два, – ответил Дронго.

– Салим на восемь лет младше вас, – сообщила Эльза, – интересно, куда вы поступали? Вы ведь жили тогда в Баку.

– На юридический, – улыбнулся Дронго, – вы правы. Это был тогда самый престижный факультет. Только я поступал туда потому, что с детства мечтал об этой профессии.

– Ну вот видите. Вам наверняка было легче. Хотя в те времена просто так нельзя было поступить на юридический. Как бы вы хорошо ни учились. Кем были ваши родители?

Он рассмеялся.

– Кажется, сегодня вы задаете мне больше вопросов, – пошутил Дронго. – Вы абсолютно правы, Эльза. Тогда действительно невозможно было пробиться на юридический факультет без знакомства. Мать у меня была ректором университета, а отец занимал солидную должность в правоохранительных органах. Поэтому мне было гораздо легче.

– Вот видите, – сказала она, – вам все давалось гораздо легче, чем нам. Я это говорю не для того, чтобы вас обидеть.

Я хочу только вам объяснить, как нам было сложно. Он закончил школу и поступил в институт. Я так гордилась братом. А потом мое неудачное замужество. В двадцать один год человек мало смыслит в жизни. И никто мне не мог посоветовать, никого не оказалось рядом. Мой будущий муж казался мне воплощением моей мечты. Из большой состоятельной семьи. Его родители были врачами, отец был известным профессором. Я думала, что смогу помогать и Салиму.

Она замолчала. Дронго не торопил ее, понимая, что тут нужна пауза.

– В общем, это была ошибка, – сказала она, – с моим характером нельзя было идти замуж за такого. Он был моим ровесником, настоящим «маменькиным сыночком». По поводу любой мелочи бегал советоваться со своей мамой. Ничего не умел и не хотел уметь. Учился тогда на восточном факультете, готовил себя в дипломаты. Можете представить, как меня доводила его мать? Мы ведь жили вместе. Я не могла даже навещать Салима, который голодал, оставшись в нашей старой квартире. Он не мог слишком часто появляться у меня, так как видел косые взгляды моей свекрови. Как она меня доставала! Иногда я удивлялась самой себе. Что только мне не пришлось терпеть. Даже рождение внука не смягчило сердце старухи. Она вечно укоряла меня за моих погибших родителей, как будто я сама их убила, за то, что я не принесла в дом приданое. Так продолжалось целых шесть лет. А потом Салим закончил институт и получил направление на

работу. Я к тому времени тоже закончила заочный институт.

В общем, Салим был уже устроен, хорошо зарабатывал. Нефтяникам неплохо платили. А мне надоела моя свекровь, мой ни на что не способный муж. И когда однажды меня снова начали ругать, я не выдержала и, забрав сына, просто переехала к брату. С тех пор мы и жили с ним вместе. А мой сын к нему очень привязался. Внешне он даже больше похож на Салима, чем на своего отца. В Баку была такая поговорка, что «джигит должен быть похож на брата своей матери». Потом начался развал страны, Салим решил поступать в аспирантуру и уехать в Ленинград. И я поехала с ним. Он защитил диссертацию уже в девяносто четвертом. А через год открыл свою компанию. И мы переехали в Москву. Вот и вся наша история.

– Я теперь понимаю, насколько близки вы были с братом, – задумчиво сказал Дронго.

– Да, – кивнула она, – и я готова потратить все свое состояние, чтобы найти убийцу. Даже если вы откажетесь.

– Завтра мы едем в компанию «Прометей», – сказал Дронго. – Вы должны представить меня как свое доверенное лицо. И еще вам придется познакомить меня с женой вашего погибшего брата.

– Я думаю, что вам не стоит с ней встречаться, – упрямо сказала Эльза Мурсаева, – она не имеет к убийству никакого отношения. В этом я абсолютно убеждена.

– Позвольте мне вести расследование так, как я считаю

нужным, – возразил Дронго, – я не могу искать убийц вашего брата, если не поговорю с его вдовой. Это обязательный момент в моей программе.

– Хорошо. Когда вы хотите с ней увидеться?

Он взглянул на часы. Восемь часов вечера.

– Прямо сейчас, – сказал Дронго, – если это возможно.

– И как мне вас представить? Тоже как мое доверенное лицо? Учтите, что у меня с ней очень натянутые отношения. Мы практически не общались все это время.

– Сказать правду, – предложил Дронго. – Она ведь тоже хочет узнать, кто именно заказал убийство ее мужа.

– Не уверена, – пробормотала Эльза, – я в этом абсолютно не уверена. Все дело в том, что она его не любила. И кажется, в конце концов это понял и сам Салим.

Она достала из сумочки аппарат мобильной связи и начала набирать номер.

Глава 3

Телефон довольно долго не отвечал. Эльза закрыла аппарат рукой и сердито сказала:

– Наверно, где-то загуляла. Не поднимает домашний телефон.

– Позвоните на ее мобильный, – предложил Дронго.

– Я не знаю ее мобильного телефона, – ответила Мурсаева. Затем, немного остыв, добавила: – Она поменяла номер, чтобы ей не досаждали кредиторы. Они требуют вернуть двадцать миллионов, а она не хочет с ними разговаривать, считая, что это проблемы только ее мужа.

– Наверно, она права, – заметил Дронго, и в этот момент кто-то ответил его собеседнице.

– Алло, – сердито сказала Эльза, – добрый вечер. Кто это говорит? Какой Паша?

Она нахмурилась. Очевидно, присутствие неизвестного Паши довольно неприятно поразило женщину.

– С вами говорит Эльза Мурсаева, сестра мужа Аллы. Вы могли бы позвать к телефону Аллу? – попросила она неизвестного Пашу.

Наверно, Паше было так же неприятно узнать, кто звонит, как и ей самой. Наступило молчание, и через некоторое время трубку взяла бывшая супруга.

– Здравствуй, Эльза, – несколько испуганным голосом

сказала Алла. На самом деле она всегда немного побаивалась суровой родственницы, – что случилось?

– У меня к тебе важное дело, – твердо сказала Эльза, – я хочу к тебе приехать и поговорить.

– Ну давай завтра увидимся, – предложила Алла.

– Нет, сегодня, – упрямо сказала Мурсаева, – у меня к тебе важное дело. Очень важное.

– Сегодня я занята.

– Это касается Салима, – добавила Мурсаева, – я думала, тебе будет интересно.

– Да, да, конечно. Ну что ж, приезжай сейчас. У меня в гостях мой знакомый с прежней работы. Из модельного агентства, – почему-то начала оправдываться Алла, – ты ведь знаешь, что Салим не оставил нам денег. Только долги. Вот поэтому я хочу продать нашу дачу, и он обещал мне помочь. Когда ты приедешь?

– Через полчаса, – Эльза отключила телефон и бросила аппарат себе в сумку. – Стерва, – сказала она в сердцах, – принимает у себя дома посторонних. Еще полгода не прошло после убийства, а она уже готова встречаться с другими мужиками.

– Сколько ей лет? – поинтересовался Дронго.

– Тридцать, – ответила Эльза, – хотя она всем врет, что ей двадцать семь. Ей уже все тридцать. А ее дочери уже восемь лет. Но дочь все время живет у матери, Алла отправила ее туда, еще когда выходила замуж за Салима, чтобы ребенок

ей не мешал. Она никого не любит, эта женщина. Есть такие люди, которые любят только себя.

– Где жил ваш брат?

– На Ленинском проспекте. В этих новых домах. Он купил там пятикомнатную квартиру. Мне она с первого раза не понравилась. Было в этой квартире что-то вызывающе роскошное. Теперь квартира осталась этой дряни.

– Поедем. Я вызову машину, – предложил Дронго.

– Не нужно, – отмахнулась Мурсаева, – у меня есть машина. Я приехала на своем автомобиле.

– У вас есть водитель?

– Нет. Я вожу сама машину.

– Тогда поедем, – согласился Дронго. Ее автомобиль был припаркован рядом с домом. Это был синий «Ниссан». Она уверенно села за руль, и они поехали в сторону Ленинского проспекта.

– Вы сказали, что узнавали о Сафиеве, – напомнил Дронго. – Кому вы поручали его поиски?

– Бестолочи, – в сердцах ответила Мурсаева. Она усмехнулась. – Совсем ни на что не годный частный детектив. Мне рекомендовали его друзья. Некто Леонид Кружков. Его уволили из органов, и он решил поработать частным детективом. Пустое место. Я жалею, что потратила на него деньги и время.

– Он узнавал про Сафиева?

– Да, суетился, дергался, все время придумывал какие-то

заговоры. И ничего не нашел. Кончилось тем, что я отказалась от его услуг. И решила обратиться к вам.

– Сколько времени он на вас работал?

– Почти три месяца. Я решила действовать сразу после убийства Салима.

– Вы обладаете большим терпением, – сказал Дронго, – если согласились ждать почти три месяца. Я думал, вы более категоричны.

– Вы плохо обо мне думали?

– Разве это плохо? Я полагал, что вы более эмоциональны и менее терпеливы. Для сотрудника банка это, возможно, недостаток, но для красивой женщины не всегда, – ловко ушел от ответа Дронго.

– Вы часто говорите такие комплименты? – рассмеялась женщина.

– Не часто. Но в данном случае говорю их абсолютно искренне. Вы можете рассказать, как ваш брат встретился со своей женой? Кто-нибудь их познакомил?

– В каком-то клубе, – неохотно сообщила она, – кажется, в «Орфее». Я точно не помню. Он был там с друзьями. Ну и появилась эта девица. Она красивая, действительно красивая. И конечно, нравится мужчинам. Ну а он все время был в работе, почти никогда и ни с кем не встречался. Можете представить, какое впечатление она на него произвела. У нее уже был печальный опыт замужества, хотя я думаю, что все это было подстроено...

– В каком смысле подстроено?

– Не было у нее никакого мужа, – охотно сообщила Мурсаева, – родила неизвестно от кого. А потом нашла дурачка, который согласился с ней расписаться, чтобы она получила московскую прописку. Видела я один раз ее якобы бывшего мужа. Знаете, кем он работает? Водопроводчиком.

– Ну и что? – спросил Дронго. – Вы полагаете, что нельзя полюбить водопроводчика? Или влюбляться можно только в миллионеров?

Она озадаченно взглянула на него.

– Вы издеваетесь? – нахмурилась Эльза. – При чем тут миллионеры? Это было подставное лицо, сразу понятно. Она ведь выросла в Воронеже и сюда приехала в семнадцать лет, поступать в институт. И конечно, никуда не поступила. А потом попала на работу в какое-то агентство. Секретаршей работала, лаборанткой, еще кем-то. Потом пошла устраиваться в модельное агентство. С ее внешностью она наверняка по рукам ходила. Вы сегодня ее увидите. Красивая женщина, как с картинки. Вот мужчины и теряли голову. Когда она замуж за Салима выходила, она уже тогда небедной была. На «БМВ» ездила. Откуда у нее такие деньги? От водопроводчика? В общем, я видела ее паспорт. Женаты они были ровно шесть месяцев. Как раз за это время она московскую прописку получила. А потом и развелась. Кстати, ее так называемый муж ни разу за все последующие годы не навестил своего ребенка.

– Зачем же ваш брат женился на ней?

– Влюбился, потерял голову. Я его предупреждала, плакала, просила. Он твердил, что ее любит. А я думала, что нельзя его отговаривать. Все время мой печальный опыт был перед глазами. Думала, что он будет счастливее.

– Они хотели разойтись?

– Конечно, нет. Посмотрите, как едет этот «Мерседес». И откуда такие берутся? – вспыхнула она, резко просигналив подрезавшему их «пятисотому» «Мерседесу». – Нет, – добавила она чуть остывая, – они не хотели разводиться. И вообще мы напрасно к ней едем. Ничего нового она нам не расскажет. Я уверена, что она не причастна к убийству Салима. Искать нужно среди знакомых Сафиева и Авдеечева.

– Но вы сообщили, что один из них пропал, а другой убит.

– Да. И поэтому я прошу вас найти пропавшего и узнать, почему убили Юрия Авдеечева. У Салима были с ним очень хорошие отношения.

– Что я и пытаюсь сделать, – сказал Дронго, – вы не станете возражать, если я встречусь еще и с Кружковым?

Она чуть притормозила, недоуменно взглянула на него.

– А с этим зачем?

– Мне нужно узнать, каким образом он пытался вычислить Сафиева. Не хочу повторять его ошибок.

– Не повторите, – уверенно сказала она, – вы кажетесь мне намного более серьезным человеком.

– Надеюсь, – усмехнулся Дронго, – и тем не менее дайте

мне координаты этого Кружкова. Я думаю, что мне нужно и с ним встретиться.

– Вы всегда будете настаивать на своем? – спросила она, искоса взглянув на него.

– Всегда, – кивнул он, – я веду расследование так, как считаю нужным.

– Ладно, – пожала она плечами, – у меня где-то лежит визитная карточка этого недоумка.

Они замолчали. Через некоторое время она тихо произнесла:

– Мы приехали.

Она припарковала автомобиль рядом с домом. Дронго обратил внимание, что и здесь она не стала въезжать во двор, хотя наверняка охранники дома знали номер ее автомобиля, ведь она приезжала к своему брату.

Они вышли из автомобиля и прошли к будке охранников. Сидевший в будке пожилой мужчина, лет шестидесяти, увидев Мурсаеву, кивнул ей.

– Здравствуйте, – сказал он, – вы к Алле?

– Да, – ответила Мурсаева, – мы сегодня вдвоем, дядя Андрей.

– Идите, – разрешил охранник, очевидно, бывший сотрудник милиции, подумал Дронго. Хотя нет, у него скорее военная выправка. Возможно, он раньше служил в армии.

– Дядя Андрей работает здесь уже четыре года, – пояснила Мурсаева, – раньше служил в каком-то военном ведом-

стве, был майором. Уволился в запас и стал охранником. Салим ему всегда сигареты дарил, пиво. Жалел старика, говорил, что тот много потерял за последние годы. Салим вообще всех жалел, только к себе относился равнодушно.

Кабина лифта остановилась на двенадцатом этаже. Пока они поднимались, Мурсаева все время смотрела на себя в зеркало, поправляла прическу. Они вышли на лестничную площадку. Здесь были две квартиры. Эльза повернула в сторону правой и нажала кнопку звонка. Дронго обратил внимание на камеру, установленную над дверью. Очевидно, покойный брат не жалел денег на охранные системы. Дверь почти сразу открылась, словно Алла ждала за дверью.

Молодая женщина была действительно очень красивой. Высокая, грациозная, волосы зачесаны назад и собраны в длинную косу. Холеное лицо. Большие карие широко расставленные глаза, тонкая, идеально ровная линия носа, правильные черты лица. Красивая линия светлых бровей. Женщина вполне подходила на роль модели. Высокая грудь подчеркивала достоинства ее фигуры. Рядом с ней Эльза казалась гораздо старше своих лет. Однако Дронго, посмотрев на Мурсаеву, подумал, что ему гораздо больше нравятся ее чувственная красота и некий вызов, чем холодно-равнодушные идеальные черты Аллы. Алла была в светлых брюках и светлом джемпере с высоким воротником. Очевидно, перед прибытием гостей она успела нанести косметику. Дронго понял, почему Эльза смотрелась в зеркало, перед тем как вой-

ти в квартиру. Ей не хотелось выглядеть хуже хозяйки дома, даже несмотря на разницу в возрасте.

– Здравствуйте, – мягким, грудным голосом сказала Алла, – здравствуй, Эльза. Как хорошо, что ты приехала.

– Добрый вечер, – кивнула Мурсаева. Они прижались друг к другу. Целоваться женщины явно не хотели, а демонстрация дружеских чувств нужна была обеим. Алла посторожилась, пропуская женщину, и профессиональным взглядом оглядела ее спутника. Ей понравился этот высокий мужчина, так элегантно одетый. Дронго всегда покупал галстуки с платками и предпочитал коллекционные от Кристиана Диора. Она оценила его обувь, покрой костюма, его плащ.

– Заходите, – пригласила она незнакомца.

– Это мой новый юрист, – сказала Эльза, обернувшись к Дронго. На лицо Аллы набежала тень. Ей не понравилось, что у ее родственницы такой элегантный и очевидно высокооплачиваемый юрист. Но она продолжала любезно улыбаться, разрешив Дронго и его спутнице пройти в гостиную.

В холле стояла тяжелая итальянская мебель. В гостиной полукругом стояли синие кожаные диваны, изготовленные, очевидно, по особому заказу. В комнате сидел невысокий мужчина средних лет. У него были рыжие волосы, мягкое, словно изжеванное лицо и водянистые, голубоватые глаза. Он был одет в серый костюм, темную рубашку. Дронго сразу обратил внимание на его желтые носки. Такой цвет носков говорил о нем гораздо лучше всяких характеристик.

«Интересно, – подумал Дронго, – где эти типы покупают светлые носки? Уже весь мир знает, что такие носки нельзя носить, но я по-прежнему встречаю людей, которые натягивают белые или желтые носки».

– Павел Головин, – представился незнакомец.

– Здравствуйте, – сказала Эльза, – кажется, мы с вами раньше встречались?

– Да, на дне рождения у Аллы, – кивнул Головин. Воспользовавшись моментом, Дронго лишь кивнул головой, проходя к дивану. Вошедшая следом Алла спросила у гостей, что они будут пить.

– Ничего, – ответила Мурсаева, – мы хотели с тобой поговорить.

– Со мной? – удивилась Алла. Она села на диван рядом с Дронго и взглянула на него, чуть усмехнувшись. – О чем же? – эта женщина знала, как магически действует ее внешность на мужчин. Но Дронго обладал иммунитетом. В его жизни было много красивых женщин, и некоторые из них оказывались носительницами такого зла, что он до сих пор содрогался, вспоминая об этом. Внешность могла быть обманчивой. Он привык полагаться на более надежные данные. Ему были гораздо более интересны женщины, обладающие и другими достоинствами. Умом, талантом, характером.

– Я согласился вести дела вашей родственницы, – сообщил Дронго, – и мне нужно уточнить некоторые детали.

– Для чего? – спросила Алла.

– Вы, наверно, знаете, что к фирме «Прометей», фактическим владельцем которой был ваш муж, кредиторы предъявили иск на двадцать миллионов долларов. Сейчас все счета фирмы заморожены. И на счетах вашего мужа не удалось найти больших денег.

– А вы хотите их найти, чтобы отобрать? – недобро улыбнулась Алла. – Или вам мало того, что у меня ничего не осталось?

– Вы меня не поняли, – сказал Дронго, – я как раз и хочу вернуть вам и вашей родственнице часть денег, которые незаконно заморожены. Согласно российским законам все совместно нажитое имущество супругов является их общей собственностью. И таким образом арест мог быть наложен только на половину акций компании вашего мужа, – он понимал, что врет, но надеялся, что сидевший здесь Павел слабо представлял себе законы. Головин явно не был юристом. Он слушал Дронго и радостно кивал головой. Алла нахмурилась. Она не очень понимала суть объяснений Дронго, а некоторый печальный опыт предыдущей жизни заставлял ее опасаться всего, чего она не могла понять.

– Я позвоню знакомому адвокату, и вы с ним обсудите эти проблемы, – предложила Алла, – я в них слабо разбираюсь и поэтому ничего не буду ни подписывать, ни говорить.

– Подписывать ничего не нужно, – кивнул Дронго, – я только задам вам несколько вопросов.

Алла взглянула на Головина. Тот кивнул. Наверно, они

были знакомы еще с тех пор, как она работала в модельном бизнесе.

– Простите, – сказал Дронго, – вы, наверно, заняты в модельном бизнесе?

– Да, – удивился Паша, – а откуда вы знаете? Мы разве раньше встречались?

– Нет. Просто госпожа Мурсаева сказала, что вы встречались на дне рождения у хозяйки дома, а мне казалось, что она должна пригласить старых знакомых.

– Я консультант фирмы, – пояснил Паша, – и мы очень жалею, что Алла ушла от нас.

– Какие у вас вопросы? – спросила Алла.

– Скажите, вы не чувствовали чего-либо необычного в поведении вашего мужа накануне его отъезда в Париж? Может, он нервничал, кому-то звонил, с кем-то встречался?

– В последнее время он был какой-то дерганный, – кивнула Алла, – но кому он звонил, я сейчас не вспомню. Я вообще старалась не вмешиваться в его дела.

– Как вы думаете, кто мог быть заинтересован в его убийстве?

– Это вы меня спрашиваете? – удивилась Алла. – Спросите лучше у его сотрудников. Разве у нас можно быть честным бизнесменом? Бандит на бандите. Откуда я знаю, кому Салим мог перейти дорогу.

– Извините, если я задам нетактичный вопрос. У вас осталось много денег на личных счетах?

Мурсаева дернулась, искоса взглянув на Дронго. Алла вспыхнула:

– Ах, вот вы почему пришли. Думаете, что у меня остались его миллионы и я ничего не даю его сестре. Поэтому ты его и привела, Эльза? Ничего у меня не осталось. Ничего. Жалкие сто тысяч на счету, и все. Никаких денег. Он все вкладывал в свою проклятую компанию. И теперь я нищая. У меня ничего нет.

При разговоре о деньгах она сразу оживилась. И занервничала. Эльза молча, с достоинством перенесла ее выпад.

– У меня ничего не осталось, – на щеках у Аллы появились красные пятна. Она нахмурилась. – Мы до сих пор не можем ничего найти...

– Не нужно так нервничать, Аллочка, – вмешался Паша, встрепенувшийся при слове «мы». Ведь гости могли обратить внимание на эти слова и удивиться, почему неизвестный Паша помогал Алле искать деньги ее мужа.

– Отцепись, – разозлилась Алла, – ты не видишь, что она специально привела его, чтобы он узнал про деньги. Думают, что я скрываю его деньги, не хочу платить долги. Или ты полагаешь, Эльза, что он оставил завещание и ты получишь все деньги? Никакого завещания не было, и все останется мне, а ты все равно ничего не получишь.

Этого Эльза снести не смогла. Она поднялась и двинулась к выходу. В расстроенных чувствах она повернула голову и... сделала ошибку.

– Пойдемте, господин Дронго, – сказала она, – нам здесь больше нечего делать.

При этом слове Головин качнулся. Он изумленно уставился на своего гостя и прошептал:

– Дронго...

Алла встревоженно взглянула на него, не понимая, что именно вывело Пашу из равновесия.

– Вы Д-дронго? – заикаясь от волнения, спросил Паша.

«Она все испортила», – подумал с огорчением Дронго. Отпираться не было смысла. Он поднялся с дивана.

– Да, – сказал он, – иногда я даю юридические консультации.

– Да бросьте вы, – вскочил следом за ним Паша. Он схватил гостя за руки и стал их трясти, – я о вас столько слышал. Вы даже не представляете, как много я о вас слышал. Вы ведь такой человек... такой известный человек...

Обе женщины удивленно смотрели на эту сцену. Эльза, уже понявшая, что допустила ошибку, хмурилась, но не смела ничего сказать, чтобы не испортить ситуацию окончательно.

– Алла, – обратился Паша к хозяйке дома, – это самый известный в мире эксперт по расследованиям преступлений. Наш местный Шерлок Холмс. Ты знаешь, какой это человек!

– Ах, вот в чем дело, – скривила губы Алла, презрительно оглядывая Эльзу. – Все никак не можешь успокоиться. Думаешь, это я Салима убрала, и поэтому привела ко мне сы-

щика. Ах ты мерзавка.

– Нет, – громко возразила Эльза. Она все-таки сдержалась и не стала превращать их спор в базарное выяснение отношений, – не нужно себя так вести, – через силу сказала она, – я думала, ты сама все поймешь. У тебя мужа убили несколько месяцев назад, а ты у себя дома уже мужиков принимаешь. Вместо того чтобы найти тех, кто стрелял в Салима. Найти и наказать.

Она смерила Аллу презрительным взглядом и пошла к двери. Схватив плащ, вышла из дома, громко хлопнув дверью. Алла и Паша взглянули на своего гостя.

– Вообще-то я действительно представляю ее интересы, – попытался объяснить Дронго, – она хочет выяснить, почему все так произошло.

– Она хочет все свалить на меня, – возразила Алла, – напрасно вы с ней связались. Это такая страшная женщина. Я ее боюсь. Завтра она наймет убийцу, чтобы и меня...

– Не нужно пугать себя такими ужасами, – мягко посоветовал Дронго, – она его сестра. Вы ведь знаете, что они выросли, рано потеряв родителей. Мужа у нее нет, и брат был единственным близким человеком в этом мире.

Он пошел к выходу. Паша поспешил следом за ним.

– Вы думаете, что найдете тех, кто убил Салима? – поспешил уточнить Головин.

– Не знаю, – честно ответил Дронго.

– А деньги, деньги? – поинтересовался Паша. – Вы смо-

жете найти их?

– Вот насчет денег я могу точно сказать, что это не мое дело, – сказал Дронго, надевая плащ.

– Может, вы оставите свой телефон, – предложил Паша, – вдруг мы получим какую-нибудь новую информацию. Я мог бы вам позвонить... – Он понизил голос и обернулся на гостиную: – Она сейчас в таком положении. Всего боится, никому не доверяет. Вы ведь понимаете. Она немного не в себе.

Дронго протянул ему свою визитную карточку.

– До свидания.

Он вышел из дома. На лестничной площадке никого не было. Дронго спустился вниз. Перед домом стояла Эльза и нервно курила. Увидев Дронго, выбросила сигарету и сказала:

– Ну, что, не права я была? Вы же видите, что с ней невозможно ни о чем говорить.

– Мне кажется, что вы вообще бурно реагируете друг на друга, – осторожно заметил Дронго.

Дядя Андрей кивнул им на прощание. Они направлялись к «Ниссану», стоявшему в двадцати метрах от будки охранника. Когда переходили дорогу, неожиданно взревел автомобиль, стоявший немного дальше «Ниссана». Они обернулись. Джип на полной скорости мчался прямо на них...

Глава 4

В такие секунды важно не запаниковать. Впрочем, в их распоряжении были даже не секунды, а доли секунды. Это был джип, припаркованный недалеко от их машины. Очевидно, он ждал именно их. Дронго толкнул женщину в сторону, на тротуар, и сам успел отпрыгнуть, перекатившись по асфальту. Джип с ревом умчался дальше.

Из своей будки опасно выглядывал старик охранник, не понимавший, что произошло.

– Черт возьми, – прошипел Дронго, – неужели у этого дяди Андрея нет даже хлопушки? Хотя бы стрельнул в воздух, чтобы их напугать.

Словно услышав его, дядя Андрей вышел наконец из-за ограды. В руках он держал газовый пистолет. На ношение оружия охранники не имели права, и лишь с большим трудом удалось убедить управление внутренних дел разрешить выдать охранникам газовые пистолеты. Редкие прохожие, шарахнувшиеся в сторону, спешили по своим делам. К бандитским разборкам в городе давно привыкли.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Дронго, помогая Эльзе подняться.

– Кажется, я ушибла ногу, – сообщила Эльза, – и порвала плащ.

– Вы живы? – подбежал к ним дядя Андрей.

– Все в порядке, – успокоил его Дронго, – можете возвращаться на свой пост.

– Я вызову милицию, – предложил охранник.

– Не нужно, – возразил Дронго, – это произошло случайно. Пьяные были, поэтому и куражились.

Мурсаева изумленно взглянула на него, но ничего не сказала.

– Сейчас кому только права не дают, – согласился дядя Андрей, – всем кому попало. Молодежь всякая за рулем ездит, наркоманы. А откуда у него денег на такой автомобиль, никто и не спрашивает. – Он махнул рукой и поспешил к своей будке. По дороге назад он бормотал какие-то слова о бардаке, в который превратили страну.

– Почему вы ему соврали? – спросила Мурсаева. – Вы ведь поняли, что этот джип ждал именно нас.

– Не нужно пугать старика. Лучше, если он об этом забудет. И совсем хорошо, если он не расскажет об этом вашей родственнице.

– Бывшей родственнице, – поправила его Мурсаева.

– Вряд ли за рулем сидели ее люди. Зачем ей это нужно?

– Вы не обратили внимание на номер автомобиля? – спросила Мурсаева.

– Нет, – признался Дронго, – когда я поднял голову, машина была уже далеко. Кажется, в ней было двое. Но, возможно, я ошибаюсь. Отчетливо я мог разглядеть только фигуру водителя.

Она сделала шаг в сторону машины и едва не упала. Он успел ее подхватить.

– Ой, – сказала она, – кажется, я сильно вывихнула ногу.

– Обопритесь на меня, – предложил Дронго.

– Не могу, – виновато произнесла она, попытавшись сделать еще один шаг, – очень больно.

– Держитесь за мою шею, – он схватил ее и поднял на руки. Легкий аромат ее волос приятно щекотал ноздри. Он отнес ее к автомобилю. Двое молодых парней, проходивших мимо, свистнули от удивления.

– Гляди, что делает, – сказал один из них, – во дает мужик. Бабу свою на руках носит.

Он помог Мурсаевой усесться на заднее сиденье. Сам сел на место водителя.

– Вы думаете, нас хотели убить?

– Нет, скорее напугать. Вы не знаете, кто это мог быть?

– Понятия не имею. Вы думаете, это те самые люди, которые застрелили моего брата?

– Не знаю. Но думаю, что нет.

– Может быть, этого человека все же наняла Алла? – вдруг спросила она. – Хочет меня напугать, чтобы я больше здесь не появлялась.

– Нет. О вашем приезде она узнала за несколько минут до нашего появления. Она не могла к нему так подготовиться. Разве что этот Паша сумел каким-то образом выбежать раньше нас на улицу и постараться нас напугать.

– Зачем? – тихо спросила она.

– Не знаю. Но я вас предупреждал. Если в нашем деле уже есть двое убитых – ваш брат и Юрий Авдеечев, то убийцы на этом не остановятся. Они постараются сделать так, чтобы мы их не нашли. Меня волнует только их необычная оперативность. Вы никому не рассказывали, что едете ко мне?

– Нет, кажется, никому.

– Кажется или никому?

– Только своей подруге.

– Жене Потапова?

– Да, только ей. И больше никому.

– И тем не менее нас здесь явно ждали. Вы не сказали мне, куда ехать.

– На Киевскую. Брат купил мне там квартиру. Нужно будет свернуть с Кутузовского.

– Я примерно знаю. Скажите, когда нужно будет сворачивать. На каком этаже вы живете?

– На четвертом. Вы хотите тащить меня на четвертый этаж?

– Неужели у вас нет лифта?

– Есть, – усмехнулась женщина.

– Вам понадобится телохранитель, – сказал Дронго внимательно наблюдая за дорогой, – судя по всему, кто-то уже знает о наших поисках. Я вас не хочу пугать, Эльза, но обязан предупредить.

– Я пойду до конца, – твердо сказала она, – чего бы мне

это ни стоило.

– Тогда пойдем вместе, – кивнул он.

– Скажите, как вам понравилась эта дамочка?

– Издерганная женщина, потерявшая мужа. Мне кажется, вы к ней необъективны.

– Да, – ожесточенно согласилась она, – я ее не люблю. Женильба моего брата на ней была ошибкой. Хорошо, что он понял это через некоторое время.

– Что значит – понял? – спросил Дронго, глядя на нее в зеркало заднего обзора. Она замолчала. Он терпеливо ждал. Наконец она произнесла:

– Он хотел с ней разводиться. Советовался со мной...

– И тут его убили, – сказал Дронго, – прямо «Мост Людовика Святого».

– Какой мост? – не поняла она.

– Есть такое знаменитое произведение американского писателя Торнтона Уайлдера. В его романе мост неожиданно обвалился, и все, кто по нему шел, погибли. Один человек решил проверить, почему каждый из этих людей случайно оказался на мосту именно в это время. И выяснил, что жизнь каждого была предопределена и закончена. Ни один из погибших уже не должен был оказаться на другом берегу. Его там просто не ждали.

– Как страшно, – пробормотала она, – я обязательно найду эту книгу. Я читала его «Мартовские иды».

Он удовлетворенно кивнул. Она принадлежит к людям,

обладающим определенным запасом культуры и интеллекта. В городе не так уж много людей, которые слышали о «Мартовских идах» Уайлдера.

– В моей библиотеке есть «Мост Людовика Святого», – вспомнил Дронго, – я дам вам эту книгу.

– Спасибо. Как вы думаете, я смогу завтра поехать с вами? Здесь налево.

Он свернул налево.

– Не знаю, – ответил Дронго, – для этого мне нужно сначала узнать, что именно с вами случилось. И вызвать врача. У вас кто-нибудь дома есть?

– Нет, конечно, – возмутилась она, – кому у меня жить? Сын в Англии. Я живу одна. Даже собаку себе не могу завести, так как часто ухожу из дома. Я ведь работаю.

– Да, я помню. Кстати, на работе у вас большой коллектив?

– Сорок три человека. А почему вы спрашиваете?

– И вы заместитель главного редактора? – ответил он вопросом на вопрос.

– Да. Уже несколько лет.

– Мужчин много?

– Ах, вот вы о чем, – усмехнулась она, – вообще-то журнал у нас для женщин. Но много сотрудников-мужчин. Художники, компьютерщики, водители, курьеры. В общем человек пятнадцать. Или даже больше.

– И вы строгий начальник?

– Иногда да, – призналась она, – часто по-другому просто невозможно. Не люблю разгильдяев. И в жизни, и на работе, – добавила она.

А вот и ее дом. Он осторожно въехал во двор. Здесь, конечно, не было охранников. Он помог ей выйти из машины.

– Только не вздумайте меня здесь нести, – строго предупредила она, – соседи могут увидеть.

– Учту, – кивнул Дронго, – мне кажется, вы напрасно так нервничаете. Уже десятый час вечера. Никто на нас не смотрит. Осторожнее. Обопритесь на меня и сделайте несколько шагов.

– Очень больно, – призналась она, сделав несколько неуверенных шагов.

Он довел ее до дверей, набрал номер кодового замка, помог подняться по ступенькам и войти в кабину лифта. Она дала ему ключи от квартиры, и он открыл дверь. У нее была довольно уютная трехкомнатная квартира. Повсюду были книги, фотографии ее брата и сына. Она была на фотографиях между двумя мужчинами, которых любила больше всего на свете. В этой квартире чувствовался вкус хозяйки дома. Дронго нравились дома, где присутствовал неповторимый хозяйский стиль. Ему претили претенциозные квартиры-дворцы с прекрасным дизайном, но без присутствия человеческой души.

Дронго помог женщине снять плащ и дойти до дивана.

– Нужно вызвать врача, – предложил он, – хотя мне ка-

жется, что вы просто вывихнули ногу при падении. Когда я вас толкнул, вы довольно неудачно упали и подвернули себе ногу.

– Спасибо, что не убили, – пробормотала она, улыбаясь и осторожно вытягивая ногу, – меня редко толкают на тротуары.

Дронго сел рядом.

– Я помогу вам снять обувь, – предложил он и, несмотря на ее громкие протесты, снял с нее туфли.

– Если вы не будете особенно бурно протестовать, то я посмотрю ваш вывих. На всякий случай учтите, что вы намного моложе меня и годитесь мне в дочери.

– Почему в дочери? – не поняла она. – Вам ведь сорок два. А мне...

– Знаю. Тридцать восемь.

– Тогда почему в дочери? – поинтересовалась она, улыбаясь еще раз.

– Вы же сами сказали, что были старше своего брата на четыре года. И заменили ему мать, – пояснил Дронго. – Значит, четыре года как раз та условная разница, которая позволяет мне быть старше вас на целое поколение. У нас тоже разница в четыре года.

– Железная логика, – пробормотала она саркастически. Он стал ощупывать ее лодыжку.

– Здесь больно?

– Да.

– А здесь? – он чуть поднял руку.

– Да. Вы собираетесь двигаться дальше, – осведомилась она, – или у вас будет какой-то предел?

– Здесь больно? – не отреагировал он на ее слова, поднимая руку еще выше и чуть задирая юбку. Он как раз ощупывал ее колено.

– Немного, – призналась она. Ей было уже совсем неловко. Но она поняла, что дальнейшие протесты будут выглядеть просто смешно.

Он поднял руку еще выше, обхватив ногу выше колена.

– Здесь больно? – он не смотрел на ее ногу. Только ей в глаза.

– Нет, – сказала она, глядя ему в глаза, – здесь не больно. Вы будете проверять дальше или остановитесь?

Он вытащил руку из-под юбки. Она была в темных колготках. Но вдруг почувствовала себя точно голой.

– Теперь держитесь, – вдруг сказал он. И резко, без предупреждения, дернул ее за ногу. Она вскрикнула.

– Вы сумасшедший, – сказала Эльза, сдерживая слезы, – вы сделали мне еще больнее.

– У вас обычный вывих, – объяснил Дронго, – не нужно вызывать врача. Уже все в порядке. Можете убедиться. Попробуйте пройтись.

Она недоверчиво взглянула на него. Затем осторожно опустила одну ногу, вторую. И поднялась, все еще держась за спинку дивана. Сделала шаг, второй, третий. Обернулась

к Дронго.

– Значит, вы еще и врач, – улыбнулась она, – извините мою несдержанность.

– Все в порядке, – кивнул Дронго, – завтра мы с вами поедем в «Прометей». Надеюсь, что до завтра больше ничего не случится. И вы подумайте над моими словами. Насчет телохранителя. При ваших деньгах можно позволить себя нанять одного или двух охранников. Поверьте, что это не лишняя предосторожность. Они еще никого не защитили, но напугать возможных ваших обидчиков вполне могут. И потом, я думаю, что завтра мы с вами появимся вместе в последний раз. Больше мы не должны ходить вместе, чтобы не подставляться под бамперы чужих автомобилей.

– Спасибо, – сказала она, – вы спасли мне жизнь и вправили ногу. Может, вы останетесь и выпьете чашечку кофе?

– Лучше в следующий раз, – сказал Дронго, – вам нужно лечь и отдохнуть.

Видя, что он уходит, она вдруг грустно сказала:

– Вы знаете, первый раз в жизни со мной такое.

– Ничего, – улыбнулся Дронго, – вывих – это еще не самое страшное испытание.

– Нет, – возразила она, глядя ему в глаза, – я не об этом. Первый раз в жизни я предлагаю мужчине задержаться у меня дома, и он уходит. Со мной такого еще не было.

– Вам нужно отдохнуть.

Домой он приехал на такси. Достал с книжной полки ро-

ман Уайлдера. Позвонил водителю, попросив его приехать завтра к десяти часам утра. Потом принял горячий душ. Каждый раз, когда он принимал душ, он вспоминал горячую баню в Токио и обнаженную Фумико. Уже позже, вернувшись из Японии, он узнал, что в этот бассейн с кипящей водой нельзя было лезть, не встав предварительно под душ. Ни в коем случае. Но Фумико, отбросив традиции, первой влезла в «фуру», ожидая, когда он нырнет следом. И ему пришлось тогда лезть в этот кипяток. Теперь горячая вода будет неизменно ассоциироваться с голым, словно отполированным телом Фумико.

Он вышел из ванной и прошел в кабинет. Новых данных по «Прометею» в Интернете не было. Зато он прочел много интересного по Северной нефтяной компании. И про убийство вице-президента компании Юрия Авдеечева, о котором, оказывается, сообщали все газеты. «Странно, что я тогда не обратил внимания на это убийство», – подумал Дронго. Хотя чиновников и бизнесменов подобного ранга убивают десятками и сотнями, и он не может обращать внимание на каждое убийство. В газетной заметке все было рассказано так, как сообщила Эльза Мурсаева. Убийцы ждали Авдеечева и его водителя у офиса компании. Когда машина подъехала, раздались автоматные очереди. Оба находившиеся в салоне были убиты.

Нашел сообщение и о смерти в Париже Салима Мурсаева, президента компании «Прометей». Он был убит несколь-

кими выстрелами в спину рядом с отелем «Бристоль», в котором остановился по прибытии в Париж. Особо подчеркивалось, что компания Мурсаева считалась одной из самых перспективных на нефтяном рынке страны. Дронго работал почти всю ночь, до четырех часов утра. Потом снова принял душ и лег спать, чтобы уже в девять часов утра проснуться и приняться за утренний туалет.

В десять часов утра он подъехал к дому Мурсаевой. Женщина уже ждала его на улице. Она была в другом плаще, более светлом. И в строгом темном костюме. Макси-юбка, полуспортивного покроя пиджак, столь модный в этом сезоне. «Донна Каран», безошибочно определил Дронго. У этой женщины хороший вкус. Хотя она, кажется, работает в журнале, где пропагандируют именно эти фирмы.

– Почему вы вышли на улицу? – упрекнул он женщину, когда она села к нему в автомобиль. – Мы ведь договаривались.

– Я не думаю, что убийцы будут стрелять в меня прямо во дворе, на глазах у играющих детей, или попытаются на меня наехать.

– Убийцам все равно, где стрелять, – заметил Дронго, – Робин Гудов давно уже нет. Остались одни подонки.

Он еще раз напомнил Мурсаевой, что должен появиться в компании в качестве ее доверенного лица.

– И прошу иметь в виду: если вы снова назовете меня Дронго, мне придется уйти оттуда раньше времени... Ска-

жите, кто остался в «Прометее» вместо вашего брата?

– Матвей Ивашов, – ответила Мурсаева, – он был первым вице-президентом компании.

– Вы его хорошо знаете? – Да, конечно. Они дружили с братом. Тот ему очень доверял.

– Мне кажется, ваш брат вообще доверял многим людям.

– Да, – сухо согласилась она, – и поэтому пострадал. Не нужно было верить никому. Так легче жить. Чтобы потом не разочаровываться.

Дронго ничего не ответил.

– Почему вы молчите? – с вызовом спросила она. – Вы со мной не согласны?

– Нет, не согласен. Можно остаться одному, если вообще не верить людям, – печально сказал Дронго.

Она взглянула на него. Достала сигарету. Потом смяла сигарету и выбросила ее в окно. И лишь затем спросила:

– Вы имеете в виду меня?

– Я не имею в виду никого конкретно.

– Нет, вы имели в виду меня, – упрямо сказала она. Работа в руководстве журналом научила ее ставить прямые вопросы. – В таком случае почему вы тоже живете один? – поинтересовалась она.

– Может, именно поэтому, – признался Дронго. – Бальзак однажды сказал, что священники, врачи и адвокаты не могут уважать людей. Они слишком много о них знают.

– Вы относите себя к категории адвокатов или врачей? –

поинтересовалась она.

– Священников, – ответил Дронго, – мне слишком много пришлось выслушать исповедей в своей жизни.

Он замолчал. Она осторожно дотронулась до его руки.

– Мне кажется, я не ошиблась, – призналась она, – вы как раз тот человек, который может мне помочь.

Автомобиль подъехал к трехэтажному зданию компании. На пороге стояли двое охранников. Увидев выходящих, они переглянулись.

– Вы к кому? – спросил один из парней.

– К Ивашову, – сказала Мурсаева, – нам нужно с ним поговорить.

– Он сейчас занят, – ответил второй, – и вообще компания не работает. Они никого не принимают.

Эльзу нельзя было остановить подобным хамством. Она посмотрелась его достаточно.

– Пропусти, – грозно сказала она, – неужели не видишь, с кем разговариваешь? Я сестра погибшего президента «Прометея» Салима Мурсаева. Показать тебе документы или поверишь на слово?

Охранник пискнул нечто невразумительное, но Эльза, оттолкнув его, вошла в здание. Дронго вошел следом, ничего не сказав. В здании работало человек семьдесят. На втором этаже находился кабинет президента компании. Теперь в нем сидел не Ивашов, а назначенный представитель, собиравшийся проводить процедуру банкротства. Ивашов на-

ходил в своем кабинете, расположенном напротив. Секретарша, работавшая здесь при прежнем руководителе, узнав сестру Салима Мурсаева, расплакалась и объяснила, что именно происходит в их компании.

Дронго и его спутница вошли в кабинет Ивашова. Ему было лет пятьдесят. Это был высокий грузный мужчина. Короткие волосы, подстриженные ежиком, мясистые щеки, второй и третий подбородки, крупный нос, небольшие глаза. Увидев вошедших, он радостно всплеснул руками и, быстро поднявшись, проявил грацию, не свойственную столь крупной фигуре.

– Здравствуйте, Эльза, – он пожала руку ей, затем Дронго, – очень хорошо, что вы пришли. Мне стыдно признаться, что нет времени вас навестить. С этой глупой процедурой банкротства. Но мы пока боремся, пока пытаемся отстоять свое право на существование.

– Познакомьтесь с моим юристом, – показала она на Дронго, называя его по имени-отчеству.

– Очень приятно, – Ивашов пожал руку Дронго. – В кабинете Салима уселся этот представитель и пытается доказать, что нужно банкротить и закрывать нашу фирму. Представляете? У нас одних активов на двадцать пять миллионов долларов. А они из-за этого долга готовы закрыть наш «Прометей».

– Неужели вы не можете им объяснить? – поинтересовался Дронго. – Ведь у вас в прошлом году оборот был семьде-

сят миллионов долларов.

– Верно, – кивнул Ивашов, даже не удивившись, что Дронго знает эти цифры. Он, видимо, считал, что сестра президента компании ввела его в курс дела.

– У нас в стране все происходит подобным образом, – признался Ивашов, тяжело вздыхая, – вы же понимаете, что ничего не бывает просто так. Кому-то понадобилось ликвидировать нашу компанию. Сначала убрали Салима Мурсаева, а теперь придумали этот долг и процедуру банкротства. Они действуют по заказу, это всем понятно. Мы вполне платежеспособны, но нужно уничтожить конкурентов. Вы еще не знаете самого главного. Северная нефтяная компания – наш главный поставщик – отказалась продлить с нами контракт и разрывает договорные отношения. И вы хотите, чтобы я поверил в случайность подобных наездов?

– Они отказались поставлять вам нефтепродукты? – понял Дронго.

– Вот именно, – мрачно подтвердил Ивашов, – в общем, куда ни кинь, всюду клин. Жаль, что с нами нет Салима. Он был такой осторожный, такой умный. Извините меня, Эльза, но я искал какое-нибудь завешание или распоряжение Салима. Он ведь хотел уступить вам часть своих акций. Но мы не нашли никаких письменных распоряжений. Наверно, он просто не успел их сделать. Если понадобится подтвердить в суде, что он хотел оставить вам акции, я всегда готов. Если, конечно, у нас вообще останется компания. Они делают все,

чтобы нас уничтожить.

– Кому выгодно вас уничтожить? – поинтересовался Дронго. – У вас были конкуренты?

– У кого их нет, – махнул двумя руками Ивашов, – в наше время нужно больше бояться не конкурентов, а друзей, чтобы не задушили в объятиях. У нас ведь друзья хуже врагов. Мы считали, что в Северной компании наши друзья, а они нам нож в спину воткнули. При Юре Авдеечеве такого бы не случилось.

– Я не понимаю ваших трудностей, – попросил пояснений Дронго, – ведь если у вас есть деньги расплатиться по долгам, почему вы этого не делаете?

– Каким образом? – пожал плечами Ивашов. – Все наши счета заморожены. Нефть с апреля к нам не будет поступать. Чем мы будем заниматься? Вылетим в трубу даже без процедуры банкротства. Скоро нечем будет платить сотрудникам. Нужно разблокировать наши счета для начала и дать людям возможность нормально работать.

– Вы можете сказать, кто за всем этим стоит?

– А все и так знают. Если сверху не будет приказа, ничего не произойдет. Неужели нужно называть конкретные фамилии? Вы же понимаете, что все давно решено, – обреченно сказал Ивашов.

– Я немного туповат, – сообщил Дронго, – и мне трудно понять ваши намеки. Вы не могли бы более конкретно сообщить, кому мешала ваша компания?

– Неужели вы думаете, что я буду называть фамилии?

– Уверен, что вы хотите это сделать. И не нужно стесняться такого хорошего порыва, господин Ивашов. Подумайте сами, что происходит. Убит президент вашей компанией, ваш близкий друг. Через некоторое время убивают одного из руководителей компании, которая была связана с вами договорными отношениями. Потом эта компания объявляет о разрыве всяких отношений с вами. И наконец специально для «Прометея» вводят ускоренную процедуру банкротства. Насколько я знаю, некоторые банки до сих пор не расплатились с долгами населению после августа девяносто восьмого, и тем не менее их до сих пор не считают банкротами.

– Значит, так было нужно, – ответил Ивашов, – не делайте вид, что вы живете на Марсе. У нас всем и про все известно.

– И тем не менее считайте меня марсианином. Кому мешала ваша компания? Мне нужны конкретные имена.

– Мы ведь конкурируем с холдингом «Объединенной нефтяной компании» – ОНК, – выдохнул Ивашов, – а там в руководстве очень известные люди. Говорят, что часть акций принадлежит... – он снова поднял руку вверх.

– Неужели господу богу? – предположил Дронго.

– Шутите, – покачал головой Ивашов, – самому премьер-министру. И еще некоторым заинтересованным людям. Конечно, они могут наехать на нас после убийства Салима. Им ничего не стоит закрыть нашу компанию.

– Подождите, – прервал его Дронго, – мне кажется, вы

немного нелогичны. Зачем убивать президента вашей компании, если можно так легко вас закрыть? Если у вас были такие долги и можно было вас уничтожить, зачем прибегать к столь крайним мерам, как убийство? И тем более таким людям. Они могли легко разорить вас и без этого.

– Да, – недовольно признался Ивашов, – все правильно. Но я не говорил, что убийство Салима заказал кто-то наверху. Возможно, это просто совпадение...

– Совпадений такого рода не бывает, – возразил Дронго, – кирпич просто так на голову не падает.

– Наверно, вы раньше работали следователем, – вздохнул Ивашов, – все время пытаетесь поймать меня на слове. Я сам ничего не понимаю. И если бы понимал, то давно бы уже ушел отсюда. Или дал кому-нибудь в морду.

– Это не всегда продуктивно, – возразил Дронго. – Кто сообщил вам о разрыве отношений Северной компании с «Прометеем»?

– Их вице-президент Гаврилов.

– А почему не сам президент компании?

– Не знаю. Гаврилов – исполняющий обязанности. Он заменил погибшего Авдеечева.

– Прямо как на войне, – недовольно пробормотал Дронго, – «погибшего», – повторил он, – хотя, наверно, все правильно. Кажется, Маркс сказал, что перед большой прибылью капиталист не остановится ни перед чем. Самые большие прибыли в стране именно в нефтегазодобывающем ком-

плексе. Поэтому сюда тянутся не только премьеры, но и бандиты. Вы не знаете, зачем Мурсаев в такой ситуации вдруг решил уехать в Париж?

– У него были свои дела, – мрачно ответил Ивашов, – трудно нам без него. Очень трудно. Извините, Эльза, что должен такое говорить при вас.

– Ничего, Матвей, я все понимаю.

– Боюсь, что нас закроют, – вздохнул Ивашов, – вы знаете, Эльза, как мы сопротивляемся. Сколько жалоб написали. И в арбитраж, и в правительство, и в Комитет по антимонопольной политике. Ничего не помогает. Пока не помогает, – добавил он.

– Можно обратиться к журналистам, – предложила Мурсаева. – У меня много знакомых...

– Только не это, – хмуро возразил Ивашов, – вы знаете, как у нас относятся к подобным вещам. Если обратился к журналистам, значит, ты против власти. Выходит, тебе нельзя доверять. Такие вещи у нас не прощают.

– Именно поэтому и не прощают, – сказал Дронго, – что вы всегда чего-то боитесь. Боитесь оказаться не в той команде, боитесь прослыть «чужаками», боитесь испортить отношения с чиновниками. Они нагло закрывают дело, которому вы отдали часть своей жизни, а вы пишете письма с жалобами в арбитраж, надеясь, что вас услышат.

– Вы хотите, чтобы я взял ружье и пошел кого-нибудь стрелять? – спросил Ивашов. – Вы на это меня толкаете? Но

я так не могу. Это не мой метод.

– Неужели ваши акционеры так спокойно реагируют на закрытие фирмы?

– Какие акционеры? – переспросил Ивашов. – Я могу вам показать последний список акционеров. Двадцать пять процентов плюс одну акцию Салим заложил в банк, чтобы взять кредит. Пять процентов были у Авдеечева и сейчас должны перейти к его наследникам. Пять процентов у меня. Еще разная мелочовка. Пять процентов имел один пивовар, земляк нашего Мурсаева. Правда, часть акций была у государственной нефтяной компании. И они скупали их у различных мелких держателей. Насколько я знаю, они имели уже до двадцати процентов акций. Но на большее не могли претендовать. Остальные акционеры им ничего не продавали.

– Я не понял, – вдруг сказал Дронго, – вы говорили, что государственная нефтяная компания ОНК конкурирует с вами. А сейчас выясняется, что у них есть двадцать процентов ваших акций? Как это возможно?

– В нашей стране все возможно, – усмехнулся Ивашов, – все, что хотите. Хотя такое возможно и в любой другой стране. Зачем разорять конкурента, если можно купить его компанию? Это называется бороться по-капиталистически. А когда нас давят налоговыми проверками и отказываются без вразумительных объяснений поставлять нефть, то это уже борьба по-социалистически. Хотя какая нам разница? В общем, ОНК владеет двадцатью процентами акций, и слава бо-

гу, что у них нет контрольного пакета.

– Но двадцать пять процентов плюс одна акция заложены в банке, – напомнил Дронго, – и если ОНК перекупит ваш долг, присоединив к нему пять процентов, то они автоматически станут владельцами «Прометей»?

– До этого дело не дойдет, – уверенно сказал Ивашов, – пять процентов акций есть у меня, у нашего друга-пивовара, у семьи Юры Авдеечева и еще у одной компании. И никто из нас не собирается рисковать своим пакетом акций. Мы все уверены, что «Прометей» еще себя покажет. Я говорил с женой Авдеечева, она категорически отказывается продавать акции.

– В таком случае остается пожелать вам удачи, – пробормотал Дронго, – и дайте мне телефон семьи Авдеечева.

– Зачем это вам нужно? – удивился Ивашов. – Прошло столько времени после его смерти. Уже четвертый месяц.

– Вдруг понадобится, – сказал Дронго. – Говоря вашими словами, два убийства подряд так просто не бывают. Значит, кто-то был заинтересован в этих убийствах. И вы посмотрите, какая география. Салима Мурсаева убили в Париже, а его друга застрелили в Сыктывкаре. Странно, что они решились на такое преступление в столь маленьком городе.

Ивашов вздрогнул, посмотрел на Дронго и покачал головой.

– Вы опасный человек, – сказал он, – боюсь, что у Эльзы будут с вами проблемы.

– Наверно, – согласился Дронго, – именно поэтому она и попросила меня заняться ее делами.

Глава 5

Когда они вышли из здания компании, был уже полдень.

– Вот видите, – сказала Мурсаева, – мы ничего нового не узнали. Ни дома у Аллы, ни здесь, в компании. Я была права. Нам нужно сразу лететь в Париж и искать там исчезнувшего Сафиева.

– Нет, – возразил Дронго, – сначала мне нужно отправиться в Сыктывкар.

– Куда? – изумилась она. – Вы это серьезно? В какой такой Сыктывкар? Только этого мне не хватало. И вообще я не понимаю, зачем нам туда ехать, – в сердцах сказала она.

– Женская логика меня иногда поражает, – пробормотал Дронго, – в Париж у вас есть время лететь, а в Сыктывкар вы не можете.

– Я могу как-то объяснить свою поездку в Париж, – пояснила она, – наш журнал – всего лишь русский вариант известного французского издания. Поэтому насчет Парижа никаких лишних вопросов не будет. К тому же, я думала, вы знаете, чем отличается Париж от Сыктывкара.

– Знаю. Но вы плохо меня слушаете. Я не говорил, что мы поедем в Сыктывкар вместе. Я отправлюсь туда один.

– Зачем? – все еще не понимала она. – Что вы хотите там найти? Вы вообще представляете, где это находится? И как туда добираться?

– Во всяком случае, не на полюсе. Кроме того, сейчас конец марта, и, значит, там будет не особенно холодно.

– Вы рискуете, – тихо сказала она, – неужели вы не понимаете, что можете не вернуться оттуда живым. Там убили Юру Авдеечева...

Они сели в автомобиль. Водитель обернулся к Дронго.

– Вам звонили, – доложил он. Дронго вывел свой городской телефон на мобильный аппарат, и теперь каждый звонок ему домой одновременно дублировался и на мобильном аппарате. Водитель слышал, как идет запись на автоответчик, но сам в разговор не вступал.

– Звонил какой-то Паша, – сообщил водитель, – по-моему, он напуган.

– Он и вчера был испуганный, – холодно сказала женщина.

– Он оставил номер своего телефона? – спросил Дронго.

– Да. Его номер записан на автоответчике.

Дронго взял аппарат и прослушал сообщение. Затем набрал номер мобильного телефона Паши.

– Господи, – жалобно простонал Паша, – как хорошо, что вы позвонили.

– Что у вас случилось?

– Сегодня утром меня встретили двое мужчин. Когда я хотел навестить Аллу. Она после вчерашнего очень напугана. А тут еще эти типы. Они спрашивали меня о вашем визите. Я, конечно, попытался отмолчаться...

– Но потом решили рассказать, – перебил его Дронго, – они вам угрожали?

– Еще как. По-моему, они отбили мне почки, – признался Паша, – я сейчас лежу дома. Вы бы видели, как они меня обрабатывали.

– Что они хотели?

– Узнавали про вас. Спрашивали, зачем вы приходили к Алле. В общем, я, конечно, не все им рассказал, но вам лучше больше туда не приходите.

– Это они вас просили мне сказать об этом, – понял Дронго, – сами вы бы не решились на такой мужественный шаг.

– Сегодня в час дня они будут вам звонить. Я звонил, предупреждал, но вас не было дома.

Дронго взглянул на часы. Было уже двадцать минут первого. Для того чтобы выслушать незнакомцев, ему не обязательно ехать домой.

Он убрал аппарат.

– Его избили и напугали, – пояснил он сидевшей рядом женщине, – кто-то идет за нами по следам. Вы уверены, что никому не говорили о своем решении обратиться ко мне?

– Уверена. Кто это был? – встревожилась она.

– Если бы мы знали. Пока я ни в чем не уверен. Они скоро мне перезвонят. А пока у нас есть время, мне нужно срочно познакомиться с моим предшественником. С Леонидом Кружковым.

– Он абсолютно никчемный человек, – решительно заяви-

ла она, – не понимаю, почему вы так настаиваете. У вас в машине можно курить?

– Можно, – разрешил Дронго, – и тем не менее позвольте мне с ним познакомиться. Где находится его агентство?

– Какое агентство? – рассмеялась она. – Я платила ему по две тысячи долларов в месяц и оплачивала все расходы. А в результате ничего не получила. Сейчас я найду телефон этого типа, – она порылась в сумочке и достала сначала пачку сигарет, а затем и свою записную книжку. Она продиктовала номер телефона. Потом вытащила сигарету и, щелкнув зажигалкой, закурила.

Дронго набрал номер незадачливого частного детектива. И почти сразу услышал взволнованный голос:

– Да, я вас слушаю. Кто это говорит?

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Дронго, – я говорю с господином Кружковым?

– Да, а кто это говорит?

– Мы не знакомы. Меня обычно называют Дронго.

– Что? – не поверил Кружков. – Бросьте меня разыгрывать. Это ты, Арсений? Опять решил устроить розыгрыш?

– На этот раз нет, – усмехнулся Дронго, – это действительно я. Можете мне перезвонить и убедиться. Я дам вам свой телефон.

– Не может быть, – растерянно произнес Кружков, – боже мой. Вы тот самый Дронго? Вы сами мне позвонили?

– Не знаю, что вы имеете в виду, говоря «тот самый». Но

мне кажется, что вряд ли по Москве бегают несколько человек, которым нравится, когда их называют подобным птичьим именем.

– Да, да, конечно. Извините. Вы действительно Дронго? Я вас слушаю. Никогда не мог даже предположить, что буду с вами разговаривать. Подождите, – засомневался Кружков, – а как вы узнали мой телефон?

– Мне дала его Эльза Мурсаева.

– Ах вот в чем дело, – несколько разочарованно произнес Кружков, – ну, тогда все понятно. Она поступила правильно. Разве я могу с вами тягаться? Вы такой известный человек...

– Хватит, – прервал его Дронго. – Нам нужно с вами встретиться. Когда мы можем увидаться?

– Когда хотите. У меня особых дел нет, – горько признался Кружков, – скажите, куда и когда нужно приехать, и я готов.

– Встретимся в два часа дня у китайского ресторана, – Дронго назвал адрес, – успеете туда приехать?

– Конечно, успею, – обрадовался Кружков, – обязательно приеду. Скажите, а вы все-таки настоящий? Тот самый Дронго?

– До свидания, – Дронго убрал аппарат.

– Я же говорила, что он пустое место, – сказала Мурсаева.

– Мне он понравился, – признался Дронго. – В нем есть что-то от ребенка. Неужели он раньше работал в милиции?

– Он так говорил, – подтвердила Мурсаева.

– Сколько ему лет?

– Не больше тридцати.

– Ясно. Вы поедете со мной на обед?

– Нет. Меня в два часа будут ждать на работе. Если вам нужно, я отменю свою встречу...

– Не нужно, – сказал Дронго, – мы довезем вас до работы. А вечером заберем домой.

– Нет, – возразила она, – вечером у меня тоже встреча. Я не могу ее отменить. Будет прием в немецком посольстве, – пояснила она, словно оправдываясь, – я должна успеть приехать домой пораньше и переодеться.

– Когда вы поедете домой?

– Часов в пять. Не беспокойтесь, у нас в журнале есть автомобиль главного редактора. Меня довезут до дома.

– Мой водитель будет вас ждать, – сказал Дронго тоном, не терпящим возражений, – и давайте договоримся, что в ближайшие несколько дней вы согласовываете все свои визиты со мной.

Через некоторое время машина мягко затормозила у здания редакции. Она взглянула на часы. До назначенного срока оставалось около восьми минут.

– Я подожду, – попросила она, – мне интересно, кто вам позвонит.

– Сергей, – попросил водителя Дронго, – давай немного отъедем.

Ждать пришлось недолго. Она снова закурила. Дронго ничего не сказал, но, когда она смяла окуроч в пепельнице, он

пробормотал:

– Вы много курите.

– Да, – согласилась она, – это после случившегося в Париже. Хотя я и раньше много курила. Я сама знаю, что не стоит так дымить. Но ничего не могу с собой поделать. Говорят, что согласно знаку Зодиака я мстительное и мистическое существо. Так что многое от меня не зависит.

– Кто вы по знаку Зодиака? – поинтересовался Дронго. – Телец, Овен или Скорпион?

– Скорпион, – улыбнулась она, – мы с братом два маленьких скорпиончика. Он родился четвертого ноября, а я девятого. Обычно считают, что между Скорпионами бывает идеальная связь. Когда два скорпиона сцепятся, их невозможно расцепить. Может, поэтому мы всегда были такими дружными и так хорошо понимали друг друга. А вы кто по гороскопу?

– Овен, – вздохнул Дронго, – а разве не видно?

– Какой ужас, – притворно вздохнула она, – у вас самый тяжелый знак для общения. Вам об этом говорили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.